

МАРИЯ ПОКУСАЕВА

ОТРАЖЕНИЯ

Мария Покусаева

Отражения

«Автор»

2023

Покусаева М. Н.

Отражения / М. Н. Покусаева — «Автор», 2023

В чужом мире сложно оставаться собой. У меня есть новое имя, могущественный покровитель и магия, с которой я не умею обращаться. Я — послушная кукла наследника, важная фигура в его партии, моя роль — стать фрейлиной при юной принцессе и присматривать за ней, чтобы Амелия, выросшая вдали от света, не потерялась среди блеска и лжи. Но дары принцев оказались страшнее, чем дары фей, я сама потеряна и лгу даже больше, чем остальные. Хватит ли мне сил, чтобы выбрать правильную сторону в этой игре?

© Покусаева М. Н., 2023

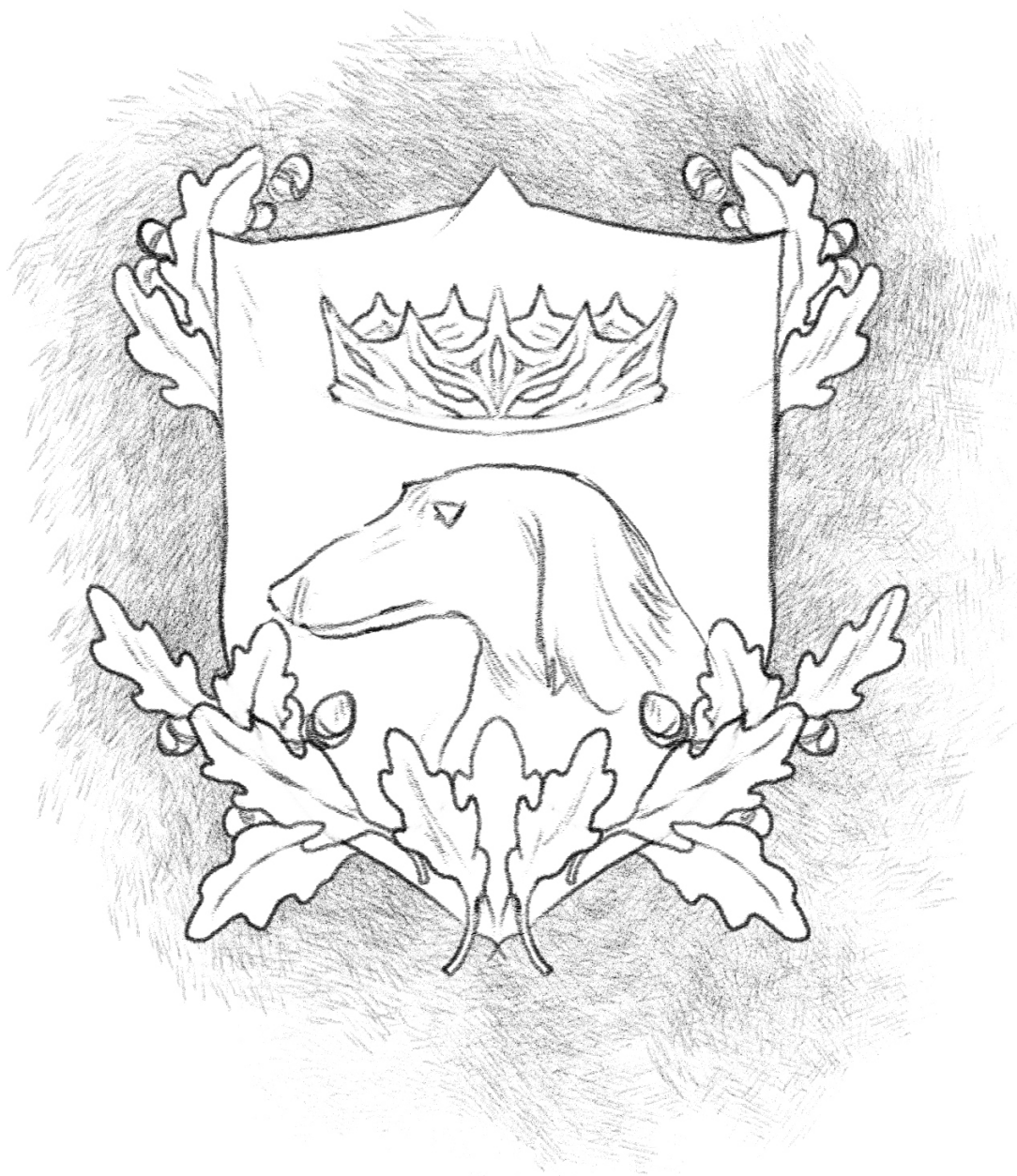
© Автор, 2023

Содержание

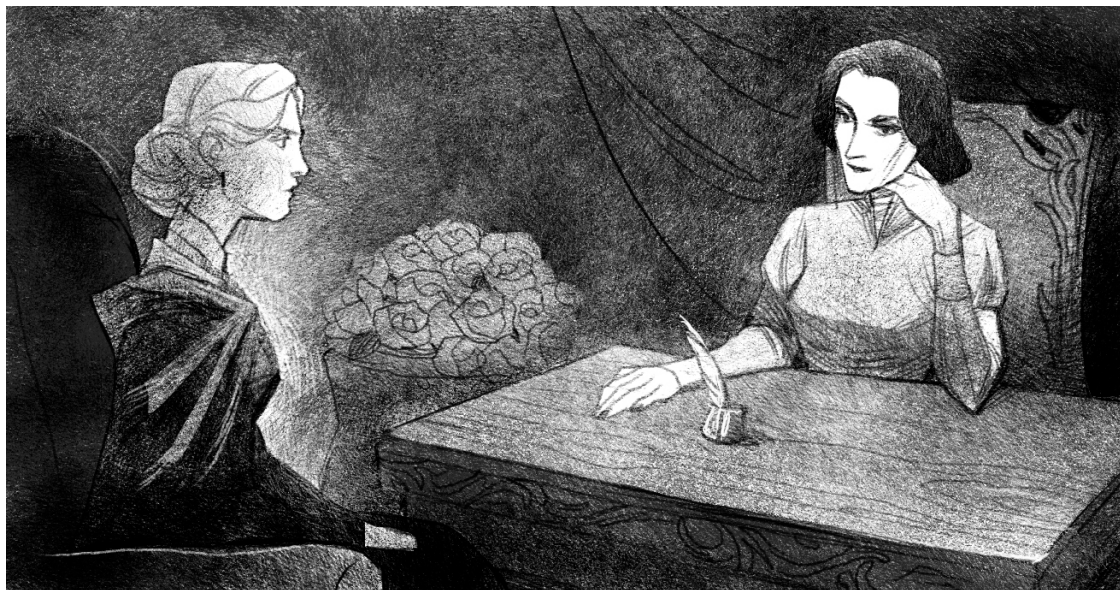
ПРОЛОГ: Ступени вверх	7
ГЛАВА 1: Сквозняки и призраки	13
ГЛАВА 2: Бедная девочка	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мария Покусаева

Отражения

ПРОЛОГ: Ступени вверх

Хорошая ученица видит даже в кромешной тьме, и поэтому я не надеюсь легко отделаться.

Линор Горалик

Парадное крыльцо Джейна не увидела – оно осталось с другой, лицевой стороны дома. Джейна появилась с изнанки, поднялась по короткой черной лестнице, как прислуга и незваные гости.

Встретили ее не то чтобы холодно – настороженно. Красивый юноша, почти мальчик, одетый в бледно-серый костюм лакея, скользнул по Джейне равнодушным взглядом, таким, что и не скажешь, к чему теперь готовиться и чего ждать.

– Госпожа Бронкль, – сказал он все еще равнодушно. Джейна подумала, что ее фамилия, произнесенная вслух, должна была оттолкнуться эхом от всех стен всех коридоров в этом доме, роскошном и светлом, и долететь до его хозяев. До тех, к кому Джейна пришла.

– Леди Бронкль, – мягко поправила она.

Юноша кивнул, то ли принимая исправление, то ли желая выказать свое почтение леди.

– Вас примут, но придется подождать, – сказал он.

Теперь он смотрел на Джейну – ей в лицо, для чего ему приходилось чуть задрать подбородок, – и словно сквозь нее. Так, что если он и рассматривал платье, шею, свернутые в низкий узел ржаво-рыжие волосы, то отследить это было нельзя. Точно так же, как и его мысли.

Лицо лакея было приветливо-пустым.

Потом она увидела еще пятерых таких же – красивых и тонких, как эльфы, юношей, которые стояли в дверях, чтобы раскрыть их перед Джейной, указывали путь и ничего не спрашивали.

– Ждите здесь, – сказал один из них с легким поклоном, когда Джейна оказалась в небольшой восьмиугольной комнате с часами на каминной полке и окном от самого пола, выходящим в зимний сад, тускло-серый, украшенный к Солнцестоянию.

Камин был пуст, и, кроме бежевой скамейки, обитой тканью, и этих вот часов с треснувшим стеклом, в комнате больше ничего не было.

Светлая, холодная, зимняя пустота.

Джейна села на скамью и пожалела, что не взяла с собой книгу. В небольшой сумочке, добротной, взятой у матери ради этой встречи, лежало письмо Аниты и стопка рекомендаций: ото всех, кто знал Джейну Бронкль, младшую наставницу из Враньего дола. Некоторые письма были от людей влиятельных, даже очень влиятельных – Джейна не ожидала, что они согласятся на такое, думала, что им нет дела до девушки, которую они видели дайте боги пару раз в год, когда навещали дочерей в закрытой школе. Но Директриса – не та, которая была сейчас, а та, прежняя, которая когда-то дала Джейне работу, – Директриса пообещала, что поможет.

И, кажется, помогла.

Ее рекомендация тоже была здесь – сложенный вчетверо лист плотной гербовой бумаги с печатью, исписанный аккуратными, по-мужски твердыми строками с острыми хвостами некоторых букв. Очень лестными для Джейны строками. Неожиданно лестными.

Джейна потянулась, чтобы почесать запястье: грубая шерсть, из которой было сшито ее платье, раздражала кожу, и к вечеру на запястьях и шее появлялись красные полосы, похожие на следы от крапивы. Новые туфли жали. Наверное, когда в конце дня Джейна сбросит их, падая без сил на кровать в своей спальне – на ту самую кровать, в которой она спала со своих восьми лет, – пальцы будут болеть, а сквозь плотные чулки проступит кровь. Будь в залах чуть теплее, пожалуй, Джейна, пожалуй, начала бы волноваться, как бы не покраснелись щеки, что можно принять за плохо скрытое волнение, но, к счастью, в доме было прохладно – почти на границе с «холодно».

Плащ Джейны остался у одного из лакеев. И шарф тоже.

Это произошло настолько незаметно, что она даже не поняла, куда все делось.

Мир, от которого Джейна не то чтобы отвыкла – скорее, она так и не успела привыкнуть к нему прежде, чем покинула, – мир благородных и знатных, властных, богатых людей окружал незаметно и так же незаметно заставил двигаться, повиноваться тому ритму, по которому он жил сам.

И не дай боги тебе, девочка, в твоих глупых, неудобных, дешевых туфельках хоть раз оступиться или перепутать фигуры.

За ней пришли ровно в тот момент, когда нервозность от ожидания начала превращаться в панику. Переступив порог кабинета, просторного и светлого, очень явно женского, с букетом роз на столике у окна, Джейна почувствовала, как пересекает ту невидимую черту, которая отделяла скрытую, непарадную изнанку дома от другой его сторон. Той, которой принадлежит и мраморное крыльцо, и бальная зала, и галерея с портретами предков, и, наверное, какая-нибудь роскошная столовая, рассчитанная на приемы и званые ужины.

Женщина за письменным столом выпрямила спину, оторвав взгляд от книги, и жестом велела юноше-лакею выйти, оставив их с Джейной один на один. Красивая, тонкая рука, украшенная парой колец и массивным металлическим браслетом, потянулась к листу бумаги, лежащему справа от книги.

– Леди Джейна Бронкль, – голос звучал твердо, но ласково, как звучит голос хозяина, зовущего собаку. – Я – леди Алексиана Мэйв. Мы не знакомы лично, кажется? Подходите ближе, садитесь, я хочу на вас посмотреть.

Конечно, леди Алексиана не встала с места – много чести для той, которая пришла ради места гувернантки.

Джейна подошла ближе и села в кресло, осторожно, не выдавая своего интереса, разглядывая свою возможную нанимательницу. Цветы в вазе, кажется, выбраны в тон утреннему платью – кремово-белое, оно было достаточно строгим, чтобы принимать деловые визиты, но, как и кабинет хозяйки, выглядело женственным и свежим. Пахло розами и кофе, и еще пудрой и фиалками. На столе стоял перламутровый прибор для письма и пара каких-то безделушек. И все.

Леди Алексиана сцепила руки в замок, положив их на стол, и посмотрела на Джейну прямо. Она выглядела молодо, куда моложе, чем должна была бы, если, конечно, ее возраст, известный обществу, не был продуманной ложью. Темные волосы еще даже не тронула седина, взгляд был свежим, кожа вокруг глаз – гладкой, губы – ровными, чуть узковатыми, яркими даже без краски.

– Я не буду мучить вас, леди Бронкль. Ваша... подруга, Анита, – рука леди Алексианы снова потянулась к листу бумаги, – написала мне... многое. И очень просила с вами пообщаться. Вы принесли рекомендации?

– Да, конечно, – Джейна яростно закивала и попыталась открыть сумочку. Получилось не сразу.

Леди Алексиана промолчала, наблюдая за этим со спокойствием мраморной статуи. Когда письма оказались у нее в руке, она откинулась на спинку кресла и лениво развернула первое.

Тонкие брови дернулись.

– Надо же... Не знала, что Фонтейны все-таки выслали свою дочку в пансионат... Впрочем, это не мое дело. Расскажите о себе, леди Бронкль, – сказала леди Алексиана, не отрывая взгляда от бумаги. – Чему вы обучали девочек в этом... как его...

Повисла пауза, и Джейна позволила себе подсказку:

– Враньем доле.

– Точно, – леди Алексиана кивнула, вяло улыбнувшись.

– Всему, что знаю сама, леди Мэйв. Истории и искусству, этикету и немного географии.

– Письму?

– Могла бы, но этим занималась не я.

– Математика и все прочее? – леди Алексиана отложила письмо от семьи Фонтейн в сторону и взялась за следующее. – Враний дол, кажется, считает, что имеет право забивать девочкам голову всякой ненужной чушью...

– Факультативно, леди Мэйв. Нет, этим я тоже не занималась.

– Искусство, история и география. И этикет. Неплохо. Музыка?

– Я играю на клавишах.

– Я надеялась на арфу, – следующее письмо леди Алексиана отложила быстрее, видимо, посчитав неинтересным. – Но клавиш тоже подойдет. Анита говорила, вы неплохо рисуете?

– Во Враньем доле чудесные пейзажи, – призналась Джейна.

– Это не ответ на вопрос.

– Да, леди Мэйв, я пишу акварелью.

– Если я правильно помню географию, леди Бронкль, – слово «география» было выделено особо. – То пейзажи вокруг Враньего дола должны быть удивительно унылыми, но если вы склонны вдохновляться романтической тоской, я понимаю, что вы в них нашли.

Леди Алексиана посмотрела на Джейну поверх писем, коротко и колко, и снова вернулась к чтению.

– Кажется, ваша школа куда лучше, чем я привыкла думать, – заметила она через еще пару писем и десяток вопросов, которые задавала Джейне. – Почему вы решили покинуть ее?

Джейна почувствовала холодок, пробежавший по спине, словно из окна потянуло сквозняком.

– Обстоятельства складываются так, что во Враньем доле мне некуда расти, – сказала она заранее подготовленную фразу.

– А вы хотите расти, Джейна? Куда и как вы хотите расти?

Джейна замялась.

Кажется, та самая фраза, которая еще вчера казалась ей нейтральной, только что загнала ее в ловушку. Джейна мало того, что призналась в своем желании и дальше работать – то есть,

заниматься тем, что не считается приличным для девушки ее круга, она показала, что амбициозна – достаточно, чтобы принимать решения самостоятельно, а не ждать, пока предложат.

– Школа – замкнутое пространство, леди Мэйв, – сказала Джейна, опустив ресницы. – А я провела во Враньем доле слишком много лет, и даже при всей моей любви к мрачным пейзажам вокруг него и благодарности к стенам, ставшим для меня вторым домом, мне хочется увидеть что-то, кроме них.

Это было честно – но достаточно скромно. Но честно, а Джейна, увы, привыкла быть честной.

И эта честность была той истинной причиной, почему Джейна взяла короткий отпуск, сославшись на обстоятельства внутри семьи, несколько дней сверх того, что ей полагалось получить в честь праздников в этом году, и сейчас сидела перед леди Алексианой.

Нынешняя Директриса, увы, не считала умение быть честной добродетелью, а в нежелании льстить и потакать капризам избалованных богатых девочек рассматривала что-то, напоминающее некомпетентность. Нынешняя Директриса вообще не нравилась Джейне с самого начала, но, увы, все сложилось так, как сложилось, и Враний дол из второго дома стал превращаться в нечто другое.

В нечто холодное, пустое, неуютное, словно лишенное души. Того, что наполняло унылые залы с серыми голыми стенами или согревало осенним утром, когда приходилось выползать из-под одеяла в промерзшее за ночь пространство комнаты.

– Не бойтесь, что поменяете Враний дол на другие стены? – спросила леди Алексиана не без ехидства.

– Боюсь, – призналась Джейна, на этот раз – не опуская ресницы, глядя прямо в лицо собеседнице.

– Работа гувернанткой, конечно, предполагает, что вы все время будете находиться рядом с детьми... с ребенком, если говорить о нашем случае. Иногда семьи путешествуют, – леди Алексиана положила письма на стол, чуть сдвинув в сторону, словно готовилась уже потерять к ним интерес и давала последний шанс именам на конвертах. – Иногда, путешествуя, берут слуг с собой. Это не означает, что путешествие превратится для вас в увеселительную прогулку. Более того, кое-где вы будете куда более ограничены во времени и свободе, чем были, пока работали наставницей в школе. Но, думаю, вы не глупая девушка, раз среди этих писем нашлось послание даже от предыдущей Директрисы. Заслужить от этой дамы похвалу, пусть и скупую, повод для гордости, Джейна, – она наклонила голову, разглядывая Джейну исподлобья, немного хмуро и почти настороженно. Взгляд в этот раз был долгим. Казалось, леди Алексиана пытается запомнить каждую мелкую деталь – черты лица, редкие веснушки на щеках, то, как уложены непокорные волосы, хорошо ли отглажено платье и в тон ли подобраны перчатки и ленты, как лежат руки на коленях – и как эти руки выглядят, насколько коротко обрезаны ногти, аккуратно ли пришиты манжеты к рукавам.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнула леди Алексиана и, наконец, встала, но только чтобы выйти из-за стола, молча, не подав никакого знака. Это смущало.

Она оказалась чуть ниже, чем можно было предположить, стройной почти как девушка, с тонкой талией, подчеркнутой поясом. Подол платья украшали вышитые листья и кружево. Леди Алексиана подошла к окну и застыла рядом, высматривая что-то снаружи, словно ждала гостя. Руки сложила за спиной, сцепив в замок.

Джейна терпеливо ждала, рассматривая узор паркета. Ничего другого ей не оставалось.

– Вы красивая девушка, леди Бронкль, – вдруг сказала леди Алексиана, не оборачиваясь. – Яркая, с умными глазами. У вас есть титул, если я не ошибаюсь, даже есть наследство, у вашей матушки и средней сестры – неплохие связи, которые могли бы добавить к этому наследству нечто нематериальное. Оставим то, что ваш отец... сглупил в какой-то момент, это

не было смертельно ни для его, ни для вашей репутации. Что же заставило вас все это время работать? Почему вы не вышли замуж?

Это была почти катастрофа, но, к счастью, леди Алексиана не спешила поворачиваться – и потому не видела, как Джейна начала краснеть, быстро покрываясь пятнами – от кончиков ушей до щек и носа.

– Нет, постойте, – требовательность в голосе сменилась насмешкой, словно бы леди Алексиана решила, что нашла разгадку – такую, которая устроила ее или как минимум развлекла. – Пожалуй, тут кроется какая-то очередная до невозможности банальная история с разбитым сердцем, я же права? Анита намекала на что-то такое.

Она развернулась к Джейне.

– Главное, чтобы там не было ничего... темного и неприятного, леди Бронкль. В вашем прошлом. Там же ничего такого нет? – леди Алексиана наклонила голову к плечу, как делают некоторые девочки, которым очень хочется, чтобы им уступили в игре.

– Конечно, нет, – ответила Джейна, выдержав этот взгляд. И даже не соврала. – История действительно... очень банальна. Вы правы.

– Если вы не хотите об этом говорить, не буду настаивать, – леди Алексиана вернулась за стол. – И на этом, пожалуй, завершим нашу сегодняшнюю встречу. Я должна посоветоваться со своей подругой, с матерью ребенка, – пояснила она и рассмеялась, заметив удивление на лице Джейны: – Много, много секретов, милая леди Бронкль, но, увя.

Перед Джейной легли пустой лист бумаги и перо.

– Напишите мне адрес, по которому можно будет с вами связаться, если вы понадобится, – сказала леди Алексиана. – И можете идти.

Когда Джейна вышла на улицу, начался снег – тяжелый, пушистый, он падал с посеребривших небес крупными хлопьями. Новые туфли оказались слишком легкими и идти в них было холодно и неприятно. Воздух был промозглым и сырым, почти как в Маревельде, куда Джейна должна была отправиться через пару дней вместе с матушкой, которой так хотелось навестить одну из своих кузин, что она согласилась заплатить за портал, хотя боялась их до приступа паники. До Солнцестояния оставалось еще несколько дней, их предстояло провести во встречах с родственниками и старыми знакомыми, которых не очень-то хотелось видеть. Оставаться в школе не хотелось еще больше.

Прежде чем пойти искать выход из этого места – того угла Альбы, где жили люди вроде леди Алексианы со всеми их особняками, садами и выводками лакеев, – Джейна сделала небольшой крюк и посмотрела на парадное крыльцо дома, из которого вышла.

Крыльцо было красивым. Две каменные леди, украшенные гирляндами каменных цветов, держали козырек, закрывающий подход к двери – а дверь украшал витраж, изображающий цветущий весенний сад.

Наверное, ночью, когда вокруг темно, а внутри, в коридоре, зажигают фонарь, эта дверь выглядит еще более красиво, подумала Джейна, поправляя капюшон, чтобы снег не летел прямо в лицо.

И, может быть, однажды ей удастся на это посмотреть.

ГЛАВА 1: Сквозняки и призраки

Если быть предельно честной перед самой собой, жить в доме дель Эйве мне почти нравилось. Это «почти» относилось к мелким бытовым неудобствам. При сильном ветре в комнатах, даже в моей, удивительно уютной, становилось холоднее, мне приходилось набрасывать на плечи шаль и жаться поближе к камину. Ванная находилась чуть дальше по коридору, и по вечерам я, воровато оглядываясь и кутаясь в подаренный мне халат, пробиралась к себе, боясь, что вдруг попадусь на глаза кому-то из старших и этот кто-то посмеется над тем, как я выгляжу с полотенцем на голове. Есть приходилось строго по расписанию, хотя таскать с кухни яблоки и куски пирога не возбранялось, главное, не делать этого ночью, когда все уже легли спать (а если делать, то так, чтобы никто ничего не заметил).

Еще были запертые двери, прячущие от меня чужие тайны.

И прислуга, которая заправляла постель, если я не успевала этого сделать. В Замке я не чувствовала себя так неловко, возможно, потому, что прислуга в Замке предпочитала не показываться людям на глаза – я так и не увидела ни одного боггарта.

Я могла делать что угодно, когда не сидела за общим столом в гостиной или не занималась с леди Присциллой изучением разных интересных вещей, но я предпочитала прятаться с книгой где-нибудь, где меня бы не могли найти. Это помогало избежать ненужных, очень гнетущих меня вопросов леди Тересии, или столкновения с лордом Парсивалем, перед которым я продолжала робеть каждый раз, когда он обращался ко мне по имени.

Самым страшным было ощущение одиночества – слишком уж мало людей приходилось на все эти комнаты, коридоры и галереи. Иногда я просыпалась ночью и, глядя в темноту за окном, думала, не стоило бы мне, рискуя быть понятой неправильно, пробраться в комнату этажом выше, где спал Ренар. Ради хорошей беседы и теплых рук. Силы духа в итоге не хватало, потому что за пределами одеяла было холодно, а на одеяле, у меня в ногах, обычно обнаруживался свернувшийся в клубок Ахо. Он поднимал голову и его глаза мягко мерцали в темноте.

– Спи сладко, человеческое дитя, – говорил фэйри и совершенно по-кошачьи начинал мять лапами покрывало.

Видимо, это были какие-то чары, от которых я засыпала, а утром чувствовала себя свежей и отдохнувшей.

Но ни разу не счастливой.

В этом мире приспущенных штор и приглушенного света, в мире тишины и темноты, в доме, похожем на дом тоскующей вдовы – или, если быть точнее, вдовца, что я понимала и о чем не спрашивала из страха, что мой вопрос может задеть больное, – мне, незваной и неожиданной гостье из совсем другого мира, нашлось место. Временное и зыбкое, но все-таки нашлось.

После того, как ритуал связал меня и семью дель Эйве незримыми и непонятными мне узами, я прожила в их доме почти две недели. За это время я успела вызубрить придворный этикет так, что встреча с Его Высочеством Феликсом д'Альвело, маркизом Абеля, прошла для меня хорошо – я отделалась поднявшимся к вечеру после нее жаром и пару дней чихала, подхватив на сквозняке простуду. У меня появилось пять новых платьев, каждое из которых делало меня похожей на кого-то другого и, по мнению Тересии, было достойно принцессы. Их успели сшить так быстро, что это не поддавалось логике и выходило за пределы моих знаний о шитье вообще. Впрочем, у госпожи Фонс-Флорал, вполне мог жить фэйри-портной на чердаке, я бы этому не удивилась.

Так или иначе, я провела много часов на примерках. Я повторяла правила и регламенты и задавала Айвеллин и Эсси неудобные вопросы, пока меня кололи булавками и пытались упаковать в шелк и бархат – в то, что грозило превратиться в новые платья. Еще я прочитала пару книг по ритуалистике, пытаюсь уложить в голове то, что я пережила, но из книг я ничерта не поняла.

Все это время я видела Кондора только за семейными ужинами, после которых он уходил общаться с отцом или спать, и еще в те моменты, когда он брал меня за руку и утаскивал в большое зеркало в одной из комнат. Или вел куда-то через портал, который был заложен в тайной каморке за кабинетом его отца. Я оказывалась в салоне госпожи Фонс-Флорал, в Академии, при дворе – где угодно, где уже ждали люди, которым Кондор отдавал меня, а потом, через положенное время, забирал обратно. Он не закатывал глаза, не фыркал раздраженно, не демонстрировал неприязнь ко мне или к тому, что ему приходилось быть моим проводником. Наоборот, Кондор был мил и приветлив, даже шутил, особенно перед моей встречей с Феликсом, которой боялся, кажется, не меньше, чем я, но нам ни разу не удалось поговорить дольше нескольких минут.

И в конце концов я поняла, что мне очень хочется, чтобы вместо Гнезда, в которое мы возвращались, мы снова шагнули бы куда-нибудь в неизведанное и волшебное.

В галереи дворцов Лорна-Тир, например.

Или в зал со скелетами китов.

Или в огромную оранжерею, которую по ночам охраняли серо-красные мотыльки размером с мою ладонь.

Но встреча за встречей этого не происходило, и я искала утешение в другом.

Зеленая дверь Шамаса никуда не исчезла, только к кристаллам в фонаре прибавились черный и зеленый, а внутри, как мне показалось, стало поменьше хлама.

Колокольчик звякнул, предупреждая хозяина лавки, что у него гости, и Шамас, занятый тем, что рассматривал на просвет какой-то кристалл, оторвался от своего занятия и широко улыбнулся.

– Кого я вижу! – радостно сказал он. – Леди Лидделл и ее сторожевой лис!

Я смущенно затормозила и машинально потянулась убрать за ухо якобы выбившуюся прядку. Рука Ренара, пропустившего меня вперед, уперлась мне в спину, подталкивая, мол, не тормози, тебя там ждут – и уже давно. Недели полторы как.

Шамас вылез из-за прилавка, чтобы обнять меня – от него пахло пылью, табаком, кофе и еще чем-то терпко-горьким.

– Я рад видеть вас, милая, – Шамас заставил меня повернуться кругом, словно хотел рассмотреть меня со всех сторон. – И рад видеть, что моя работа вам идет, – и его палец осторожно коснулся серебряного колечка с зеленым камушком, продетого сквозь мочку моего правого уха чуть выше другой, обычной сережки.

– А я рада, что, наконец, могу лично сказать вам спасибо, – улыбнулась я в ответ и присела в книксене, которые у меня получались уже почти отлично, по крайней мере, Присцилла не морщилась. – Лорд Парсиваль передал мне ваше приглашение, и я пришла, – добавила я, наблюдая, как они с Ренаром пожимают друг другу руки.

Мне было немного стыдно: я очень хотела навестить Шамаса раньше, а вместо этого с головой ушла в учебу и собственное уныние, и в итоге дотянула до того, что мне вот уже скоро уезжать – а мы так и не увиделись.

Взгляд Шамаса скользнул за наши спины, к двери, словно бы он ждал, что вслед за нами зайдет кто-то еще, но дверь оставалась закрытой. Было видно только, как там, за витражом, туда-сюда сновали тени людей, которых здесь, на одной из торговых улиц, было немало.

Шамас прошел вперед, к выходу, чтобы закрыть дверь на задвижку, и обернулся к нам.

Мне показалось, что его улыбка, по-прежнему широкая, стала не такой веселой, потускнела, как у ребенка, обманутого в ожиданиях.

– Ну, что же, господа, – сказал Шамас, переводя взгляд с меня на Ренара и наоборот. – Не так уж много людей заходят в эту забытую богами лавку, так что, думаю, если мы с вами спрячемся в глубине, чтобы выпить кофе, ничего страшного не произойдет.

Он лукавил, я знала, и вспоминала, пока шла вслед за мужчинами в глубину тесного, темного коридора, все то, что мне рассказывали. Скромный мастер, знаток волшебных камешков, Шамас был одним из лучших в своем деле, и лавку в Галендоре держал, кажется, развлечения ради. Случайно сюда и правда заходили редко, в этом Шамас был прав. Его настоящие клиенты предпочитали немного иной формат общения – об этом я тоже уже знала. Мне рассказал Ренар, когда я спросила, догадавшись, что лорд Парсиваль не стал бы заказывать для меня особенное украшение у обычного ювелира. Да и кольцо, купленное Кондором, конечно, обычным не было. Я проверяла – пару раз, пока Присцилла не видела, касалась рукой флаконов с зельями, казавшимися мне особенно подозрительными, и наблюдала, как сердцевина кристалла наливается алым, словно там, в его прозрачной глубине, появлялась капелька настоящей, живой крови.

В доме Шамаса, на втором, жилом этаже оказалось три комнаты – его спальня и кабинет, куда нас, конечно, не пустили, и небольшая гостиная с камином. И еще было что-то под крышей, за люком, проделанном в потолке, к которому вела узкая, хлипкая на вид лестница.

– Я храню на чердаке всякий хлам, – сказал хозяин, кивнув в ту сторону. – А нам сюда. Проходите, леди Лидделл, и простите меня за тесноту и пыль. Моя служанка бывает здесь раз в пару недель, и гости заглядывают не часто.

Он привычным жестом приказал огню зажечься. Я заметила это движение – ладонь вытянута в сторону камина и сомкнутые пальцы поднимаются вверх, словно приманивают кого-

то, – потому что в последнее время старалась побольше наблюдать и замечать, как и с чем работали волшебники вокруг меня.

– Тебе не жарко, милая? – руки Ренара мягко легли мне на плечи, и пришлось позволить ему снять с меня пальто.

Это была еще одна из тех вещей, к которым я привыкала: ждать, пока перед тобой откроют дверь, пока подвинут стул, чтобы ты села, подадут руку, когда тебе нужно преодолеть препятствие сложнее пары ступеней крыльца, поднимут безделушку, которую ты – намеренно или случайно – уронила на пол.

Шамас проследил за тем, как я, смущенно потерев ладони друг от друга, устроилась в одном из двух кресел у камина. Кресла были старые, с затертыми деревянными подлокотниками и свежей, кажется, обивкой. В самой комнате царил полумрак, она была большой, но из-за обилия каких-то ящиков, сундуков и коробок, расставленных по углам и явно лишних, казалась захлавленной.

Шамас приехал сюда недавно, напомнила я себе. Скорее всего, он просто не успел и не считал нужным разбирать это все и использует комнату как еще один склад, да и в конце концов, милая, какое твое дело?

– Жить над собственной лавкой – то еще удовольствие, – сказал Шамас, явно заметив то, как я осматриваюсь. – Кофе, леди Лидделл? Или чай?

– Кофе, если можно, – я посмотрела прямо на него и виновато улыбнулась.

– Как леди скажет, – ответная улыбка была лукавой, и Шамас, еще раз напомнив, что не держит слуг, исчез за еле заметной дверью в дальней стене.

Я недоуменно моргнула ему вслед.

– Там кухня, Мари, – тихо сказал Ренар. Он стоял рядом с камином, почти в тени, с той стороны, которая была ближе ко мне. – И черная лестница, ведущая во двор. Ты как? – спросил он с тревогой в голосе.

– Нормально, – ответила я.

– Мы можем уйти в любой момент, – напомнил Ренар, щурясь на огонь. – Если тебе что-то не понравится.

– Я помню, да, – сказала я. – Пока все хорошо. Правда. Или нет?

Я наклонила голову набок.

Ренар отвел взгляд в сторону, к той самой двери, за которой скрылся Шамас, и поджал губы, прикидывая что-то в уме.

– Не бери в голову, золотко, – сказал он, виновато улыбаясь. – Здесь просто слишком много незнакомых запахов. Очень ярких.

Он оттолкнулся от стены и прошел вдоль комнаты в той стене, на которой были окна – два больших, просторных окна, прикрытые темными портьерами так, что в комнате царил полумрак, словно ей не пользовались. Наверное, подумала я, так и есть – Шамас же сказал, что гости у него бывают редко. Ренар чуть отодвинул край портьеры, выглядывая наружу.

– Там что-то интересное?

– Нет, – сказал он, делая шаг назад. – Но окна выходят в окна соседей, так что я не удивлен, что шторы такие плотные. А я надеялся впустить сюда немного солнечного света.

Он щелкнул пальцами, и пара бра на стене между окнами тускло засияли.

– Так лучше, согласитесь, леди Лидделл? – с дружеской иронией спросил Ренар и добавил: – Посидишь одна? А то мне, признаюсь, как-то неловко злоупотреблять гостеприимством господина Рафэрти и заставлять его делать все одному...

Я пожала плечами в ответ.

Обложку сборника сказок, который теперь лежал у меня на коленях, украшало золотое тиснение – шипы и бутоны, переплетение веточек, за которые цеплялись лапками крошечные птички. Не знаю, где Шамас взял эту книгу до того, как она, завернутая в плотную бумагу, оказалась у меня в руках, но и страницы, и уголки, и зеленая лента-ляссе – все было новым, словно бы до того к книге никто не прикасался. Я провела по корешку кончиком пальца, задумчиво, потому что еще не до конца понимала, что задумал господин Раферти. Получать спонтанные подарки было приятно, но неловко, особенно когда речь шла о подарках от полужнакомых мне людей.

Ренар, уютно устроившийся в соседнем кресле, теперь наслаждался отсутствием Присциллы в зоне видимости и с явным удовольствием курил. Он вернулся вместе с Шамасом, куда более спокойный и веселый, чем до того.

– Если принять за истину то, что в вашем мире, леди Лиддел, небеса, вопреки расхожему мнению, не отливают зеленую, а солнце так же восходит на востоке и садится на западе, то, думаю, нет ничего удивительного, что многое вам действительно кажется знакомым, – Шамас протянул мне чашку с кофе, и придвинул поближе к огню стул, до того стоявший рядом с небольшим письменным столом.

Стол, в отличие от всего остального пространства гостиной, был аккуратно прибран и казался почти пустым.

– Эта книга куда менее занимательна, чем «Истории о золоте и железе», – Шамас кивнул в сторону моих коленей. – Но я подумал, что она порадует девушку, которая советуется с птицей, когда нужно выбрать книгу на вечер.

– Большое спасибо, господин Раферти, – ответила я, имея в виду и кофе, и этот вот другой подарок.

– Я спросил разрешения у вашего патрона, разумеется, – продолжил он. – Лорд дель Эйве не возражал. Как не возражал он против вашего визита сюда и даже обещал передать приглашение. Я рад, что вы все-таки нашли время навестить меня. Надеюсь, вас действительно не слишком смущают вся эта пыль и коробки...

Он махнул рукой, словно предлагал на всякий случай убедиться, что и пыль, и коробки все еще наличествуют, и мы оба – и я, и Ренар – поспешили заверить его, что нет, не смущают. Кофе был очень крепким и горчил, в него добавили специи – перец и что-то еще.

– Розмарин, – сказал Ренар, заметив, что я принохиваюсь. – Но я бы предпочел что-нибудь... более согревающее.

Шамас рассмеялся, шутливо погрозил ему пальцем и достал из внутреннего кармана сюртука маленькую фляжку, уже знакомую мне. Заговорщически махнув ею в сторону Ренара, он плеснул немного виски ему в кофе.

– Вам, леди Лидделл, не положено, – извинился он. – Лорд Парсиваль пообещал, что делает со мной что-нибудь нехорошее, если узнает, что я снова попытался предложить неофиту выпивку, – он приподнял фляжку. – За ваше ученичество. Пусть пролетит быстро и успешно завершится!

Я посмотрела на пятна от чернил, вьёвшиеся в пальцы там, где они соприкасались с пером. Быстрым и – тем более – легким мое ученичество точно не будет, и ведь мы пока еще даже толком не начали: Присцилла гоняла меня по этикету, ставила мне почерк, называя это тренировкой концентрации, и изредка, когда ей казалось, что я это заслужила, рассказывала мне о магии, очень мало и скупно, под любым удобным предлогом обрывая рассказ – и всегда на самом интересном месте, там, где у меня появлялись новые вопросы.

Ответы на некоторые из них я, конечно, искала сама – никто не запрещал мне прятаться за шторой в библиотеке, и я пользовалась этим.

– Как вам живется в новой роли, Мари? – спросил Шамас.

– Я еще не поняла, – ответила я. – Моя жизнь, господин Раферти, за последний месяц несколько раз переворачивалась вверх ногами и обратно, поэтому я боюсь судить о новой роли, пока не пойму, что задержусь в ней дольше, чем на пару дней. Но некоторая доля определенности мне нравится.

Шамас хмыкнул и снова приложился к фляжке.

– Я вижу, леди Присцилла позволяет вам вольности вроде прогулок по холмам и визитов к сомнительным личностям вроде меня, – сказал он.

– Если не вытаскивать леди Лидделл из библиотеки, – Ренар вытянул ноги вперед и скрестил лодыжки, – она будет больше похожа на призрака, чем на живую девушку, а в этом проклятом доме и так слишком много траура по поводу и без.

Шамас развел руками, мол, что поделать, а я задумчиво прикусила нижнюю губу.

В доме дель Эйве были темы, которые было нежелательно обсуждать, слова, от которых все замолкали и смотрели на произнесшего их с укором, и пара закрытых комнат, куда никто не заходил. Пара недель жизни в этом сумрачном мирке, полном чужих теней и воспоминаний, еще не сделали меня его частью, а двое мужчин, в компании которых я сейчас пила кофе, имели доступ к тайнам, в которые никто не стремился меня посвящать.

– Что поделать, – взгляд Шамаса впился в меня, и я сделала вид, что снова рассматриваю обложку. – Там есть все основания для того, чтобы сохранять этот траур, и не в наших с вами силах это исправить. Хотя я искренне надеюсь, что присутствие леди Лидделл немного заполняет пустоту, накопившуюся в доме моих друзей, – его голос звучал приглушенно, и от того слова показались мне важными, такими важными, что мне вдруг стало жарко. – Будь у меня чуть больше времени и право на некоторые тайны, пожалуй, я бы рассказал вам несколько поучительных историй, Мари, но увы. Я очень рад, что вы нашли время зайти ко мне, но если вы слишком задержитесь, кое-кто будет волноваться, – Шамас широко улыбнулся. – И искать вас и вашего сторожевого лиса по всему городу и окрестностям этой и той стороны. Так что оставим интересное до следующей встречи.

– Мы вряд ли увидимся скоро, Шамас, – сказала я, подняв взгляд. – Его высочество Феликс крайне недоволен тем, что я пропустила бал, посвященный Двенадцатой ночи года.

– И требует, чтобы вы сопровождали его на остальных балах? Феликс всегда был капризным мальчишкой, – Шамас рассмеялся и покачал головой.

Я вспомнила, как у меня тряслись руки после недолгой встречи с Феликсом, как я мерзла в его гостиной, и мне захотелось неодобрительно нахмуриться – просто из зависти к этому то ли праву, то ли вольности смеяться над принцами и дразнить волшебников и их ручных птиц.

– Почти, – я заметила, как Ренар поменял положение ног. – Ему нужно представить меня двору Арли, а потом мы должны отправиться в Альбу... Я же говорю, мои роли меняются быстрее, чем я успеваю их осознать и понять, что происходит, – я допила кофе, почувствовав, как царапнули язык частички измельченных специй.

– Тогда за ваш дебют, – Шамас снова приподнял фляжку вверх. – Но что вы забыли в Альбе?

– Принцессу, – ответила я, сощурившись: почему-то мне казалось, что уж Шамас-то должен был это знать и спрашивал даже не из любопытства – а чтобы убедиться в своих догадках.

– Ах, да, принцесса, – Шамас снова рассмеялся.

– Да, я должна стать частью ее свиты.

Я сказала это и замолчала, подумав, что просто повторяю чьи-то слова, не осознавая ни толики стоящего за ними смысла.

– Большая честь для крошки Амелии, – сказал Шамас шутливо, словно уловил мое замешательство. – Получить в свою свиту кого-то вроде вас.

Я удивленно приподняла брови. Ренар фыркнул и повернул голову в сторону, пряча улыбку: уж он-то знал, как я бесилась и как почти час бегала по библиотеке дель Эйве из стороны в сторону, рассказывая ему и Корвину все, что я думаю об этой своей миссии. Оба слушали, как мне показалось, с сочувствием, но советовать что-то не решились.

Феликс, специально или нет, придумал для меня изощренную пытку, за которой, я не сомневалась, будет с удовольствием наблюдать. И, возможно, не только он.

– А вы считаете, что нет? – Шамас, кажется, прочитал все, что было написано у меня на лице. – Вы не цените себя, леди Лидделл, и не вполне осознаёте место, которое занимаете в этом мире.

– Наверное, – согласилась я. – Это довольно сложно, осознать свое место, особенно когда ты не можешь понять, где же оно.

Шамас глубокомысленно промолчал, глядя куда-то в сторону, словно бы старался понять, что же я такое сказала.

– И потом, – добавила я, – в вопросах воспитания и укрощения принцесс я разбираюсь еще меньше, чем в светских условностях.

– Бойтесь, что вами будут вертеть, как хотят? – Шамас улыбнулся с каким-то оттенком хитрости.

– Очень, – призналась я.

Феликс так уж точно, и я не удивилась бы, если бы его племянница вдруг оказалась такой же – хитрой, насмешливой и избалованной.

– Не бойтесь, – сказал он. – Я не знаком с Амелией лично, куда уж мне, но я немало слышал о ее семье, пока жил... вы помните, где, – Шамас посмотрел на меня так, как смотрят на заговорщика, знающего твою особую тайну. – Так что если вы согласитесь задержаться на еще одну чашку кофе, я расскажу вам хорошую историю.

Я бросила вопросительный взгляд на Ренара, не зная, как поступить и сколько еще времени было у нас в распоряжении, и тот кивнул.

– Мы можем задержаться до темноты, господин Раферти, – сказал Ренар. – И даже чуть дольше, если вы разрешите нам одолжить у вас фонарь на обратную дорогу.

На гербе старшего сына Короля сиял, окруженный венком из дубовых листьев, золотой силуэт благородного оленя.

Олени преследовали Амелию с самого детства – не только на гербе, украшающем все, чем она владела. Их головы смотрели на Амелию стеклянными глазами со стен в охотничьем домике отца, где они с матерью как-то провели три невероятно скучных часа, потому что у Амелии разболелся живот и леди Катарине пришлось отказаться от наблюдений за охотой на лис. Олени украшали посуду и мебель, светильники и зеркала. Узор вышивки, похожий на оленьи рога, вился по вороту платья, которое Амелия получила на свой седьмой день рождения.

Ради такого ее привезли в Арли, в большой и светлый город, который казался Амелии почти сказочным, ослепительным и чужим. В Арли были реки и камень, стекло и мрамор, блеск зеркал и украшений, а еще там был Король и его Королева. И два их сына, два брата отца Амелии, принца Фредерика: у них обоих были такие же, как у Амелии и ее сестры, Кармиль, волосы цвета бледного золота.

Один из двух этих принцев бывал в Арморике и помнил принцесс. Он смотрел на Амелию, улыбаясь тепло и лукаво, говорил с ней, задавая вопросы и отвечая на те, которые задавала Амелия, будто бы рядом с ним была не маленькая девочка, только недавно научившаяся писать свое имя без клякс и ошибок, а кто-то равный и интересный.

Амелия не думала о нем как о ком-то взрослом, как о своем дядюшке.

Но и о Короле, живущем в прекрасном Дворце-на-Острове, она не думала, как о дедушке. Он был чужаком.

Холодным, недоступным, прекрасным чужаком, окруженным золотом, мрамором и бархатом. Впрочем, отец Амелии был точно так же далек от нее. Она не знала, правильно это или нет, да и не нужно было это знать: у Амелии была мать, у Амелии была Кармилль, у Амелии была добрая нянюшка, сказки и лес, окружавший их дом.

Красивый, глубокий, полный тайн лес. Парк вокруг Дворца был, конечно, тоже красив, но с лесом сравниться не мог. Амелия была рада уехать из города.

А потом однажды принца Фредерика не стало – нелепая, ужасная случайность, как говорили придворные дамы, прикрывая притворное изумление и жалость веерами. Охота, единственная страсть кронпринца, куда там власти или жене, забрала его жизнь так же, как он забирал жизнь оленей и лисиц, волков и фазанов.

И герб с золотым силуэтом оленя стал ничьим, потому что леди Катарина носила под сердцем дитя – последний подарок мужа и свою последнюю надежду стать если не женой, то матерью короля.

Но вместо Фредерика Младшего родилась принцесса Фредерика – и золотой силуэт оленя исчез с карет и дверей, сменившись тремя серыми псами – семья д'Альвело не отбирала у вдовы своего сына все, что та получила вместе с фамилией, но оставляла это взамен за верность и преданность. Амелия помнила черное платье матери, и суету, и странные разговоры, которые она слышала. Они покинули поместье в Арморике, которое было их домом, пока принц Фредерик был жив, и переехали в Арли – на одну холодную неделю в самом начале зимы.

Леди Катарина кривила губы и злилась, и Амелия, почувствовав себя слишком взрослой рядом с горем матери, брала за руку Кармилль и шла с ней в детскую, занимала ее ерундой вроде кукольных чаепитий или чтения сказок, смотрела с ней в окно – на осенний парк, притихший и застывший от первых заморозков.

А потом, через несколько дней этой странной жизни, они уехали, сменив дом и страну.

Наверное, думала Амелия потом, через много лет, когда начала понимать куда больше вещей, которые взрослые не говорят вслух, но держат под языком, леди Катарина сменила бы и герб, убрала бы трех гончих, вернула бы себе куниц, бегущих по зеленому полю. Но это навлекло бы на всех них – на всех четверых женщин, прячущихся в глубине английских лесов, в родовом поместье Эривэ, – гнев Короля, обиженного пренебрежением и отказом от дарованной им чести.

Правда, все платья Амелии с тех пор стали черными, а потом – серыми, от цвета графита – до оттенка бледных весенних туч, потому что леди Катарина пряталась в траур, запрещая себе и дочерям выезжать в свет. Никто не упрекал ее – первые два года, а потом, конечно, стали говорить всякое.

Амелия, к счастью, почти ничего не слышала, и за все эти годы привыкла к серому, считая его чем-то вроде символа – как три серых пса на ее гербе были символом верности и преданности Королю.

Просто у ее матери был свой Король, верность и преданность которому леди Катарина хранила и после его смерти.

Снег выпал к концу октября, пролежал ровно сутки – и растаял, оставив после себя грязь и вымокшие бурые листья. В воздухе повис дождь – мелкая водяная взвесь, противно липнущая к волосам и одежде, выходить гулять не хотелось – там, за окнами, не было ни веселья, ни игр, только поникший сад, высокая каменная стена ограды – и лес за ней.

Густой английский лес, лиственный, с переплетением узловатых ветвей, иногда настолько низких, что всаднику приходилось прижиматься к лошади, а то и просто выбирать другие пути. Весной в лес заползали седые туманы, осенью он пылал оранжевым и алым, а зимой стоял голым и пустым, черным, мрачным, словно бы мертвым.

Когда Амелия была маленькой, она играла с сестрой, будто бы злая ведьма наложила на подъездную дорогу заклятие, завязала ее узлом, и теперь каждый путник может добраться в Эривэ, только если в одном из его окон горит свет или кто-то ждет с фонарем на перекрестке. А они – Амелия и Кармилль, они не могут покинуть дом, потому что должны, как их матушка, встречать путников, заплутавших во тьме. Амелия помнила, как леди Катарина несколько раз ждала кого-то в сумерках, держа в руках фонарь с ярким кристаллом и набросив на голову капюшон бархатного плаща, но стоило ее спросить, приедет ли кто-то в гости, как ее светлость рассмеялась и посоветовала дочери не совать нос во взрослые дела.

Мала еще, чтобы понять.

Сейчас Амелия сидела на скамье у каменного фонтана – фонтан молчал, но дождь наполнил чашу затхлой, темной водой, в которой плавало несколько листьев и веточек и серое птичье перо. За ночь вода стягивалась тонкой пленочкой наледи, которую можно было расколоть пальцами, днем оттаивала и отражала серое небо и ныряющих в нем птиц. Амелия считала про себя до двухсот – и обратно, проговаривая числа полупшепотом в такт какой-то привязчивой мелодии. Ее волосы, тщательно расчесанные с утра и схваченные широкой серой лентой, от повисшей в воздухе воды начали виться на концах, рассыпаясь мелкими колечками, нос покраснел от холода, и пальцы, спрятанные в тонкие шерстяные перчатки, слегка одеревенели.

Госпожа Эдит считала, что детям нужен свежий воздух, поэтому и Амелия, и Кармилль, и даже Фредерика были обязаны гулять каждый день, даже в такую неприятную хмарь. Разве что сильный мороз или затяжной дождь могли стать причиной, по которой девочкам разрешалось оставаться дома. Амелия обошла вокруг пруда – вода в нем была почти черной, в ней плавали листья, камышовый островок посередине высох и словно съежился. Утки попрятались, и лишь пара ворон уныло перекаркивалась, сидя на понурой, горбатой липе. От пруда можно было свернуть к дальней стене парка, туда, где стояли домики прислуги, но Амелия вернулась к фонтанам и сейчас сидела, отсчитывая время, которое должна была провести здесь.

Будь она столь же смелой, как Кармилль, или будь у нее чуть более веселое настроение, Амелия бы пританцовывала, пытаясь согреться, но, увы, танцевать Амелия не любила – даже если никто не видел. Поэтому она просто сидела на скамейке, сжавшись и нахохлившись, как крошечная птичка, и считала про себя, загадав, что если выдержит, не дернется, пока счет не превратится в ноль, то сегодня случится что-то хорошее.

Когда счет дошел до ста сорока, холодные узкие ладони закрыли глаза Амелии.

– Замерзла, сестрица?

Амелия рассмеялась и сжала пальцы Кармилль, убирая ладони той со своего лица, и развернулась, улыбаясь.

– Госпожа Эдит велела мне найти тебя.

Кармилль обошла скамейку и встала перед Амелией. Она двигалась как танцовщица: очень легко, будто бы три слоя юбок ни капли не мешали ее движениям. Тусклое золото волос

прилипло к серому плащу, который Кармиль небрежно набросила на плечи, отправившись искать сестру в продрогшем парке.

– Госпожа Эдит решила, что свежего воздуха с дождем на сегодня достаточно? – Амелия сжала и разжала пальцы, стряхивая с них неподвижность. Встать со скамейки удалось через усилие, схватившись за руку сестры.

– Матушка вернулась, – ответила Кармиль, утягивая Амелию за собой. Мокрый гравий шелестел под ногами. – И желает видеть нас как можно скорее.

– Подожди, – Амелия остановилась, дернув сестру за руку. Кармиль обернулась, удивленно вскинув брови – тонкие, чуть темнее волос.

Глаза у нее были ясными и синими, как цветы гиацинта, густые ресницы бросали тень на щеки, сливочно-белые, с еле заметным румянцем. Кармиль всегда казалась принцессой из сказки. Такую обряды в лохмотья, укутай вуалью темного, злого колдовства, спрячь золотые косы под серой ветошью, но не скроешь, не утаишь ее красоты от принца или волшебника, который уже шесть пар железных сапог истоптал, пока искал ее, последняя осталась – и дойдет до витой решетки поместья Эривэ.

И ворота распахнутся перед ним, и падут чары ведьмы, и не нужно будет больше стоять с фонарем на перекрестке.

Амелия тряхнула головой, сбрасывая глупые, ненужные мысли, из-за которых она частенько получала от строгой леди Алексианы выговор или, если не везло и Амелия забывалась, ставила локти на стол и горбилась, легкий удар веером по пальцам или скрюченной спине.

– Как я выгляжу? – спросила она у сестры.

Это значило: побудь моим зеркалом. А я побуду твоим, когда придет время, пусть мы не так похожи, как должно быть, и я – худшее твое отражение.

Кармиль задумчиво моргнула и поправила Амелии волосы, вытащила из них что-то, одернула ворот пальто и выправила сбившуюся ленту.

– Так лучше, – сказала она, протягивая платок. – Вытри дождь с лица, и все. Пойдем, они чего-то ждут.

Гравий снова зашуршал под двумя парами быстрых ног.

Ветер заскрипел кронами деревьев, коснулся зеркальной глади пруда, потревожив ее кругом легких волн, согнулись камышовые заросли, где-то хрипло крикнула таинственная птица – и все стихло.

Госпожа Эдит поймала их на входе в парадное крыло. Она застыла в начале галереи, низенькая, полноватая, еще не старая, но уже увядающая и поразительно блеклая, словно бы выцветшая, как рисунок на ткани. Две служанки вышли из-за ее спины навстречу девочкам.

– Ее светлость велела проводить вас в гостиную, – сказала госпожа Эдит, окидывая Амелию строгим, цепким взглядом, от которого не ускользнули ни растрепавшиеся волосы, ни завитки на их кончиках, ни то, что нос Амелии все еще был красноватым от холода. – Она просила проследить, чтобы вы выглядели прилично. Отдайте пальто слугам и приведите себя в порядок, юные леди.

Амелия сама не заметила, как оказалась перед узким зеркалом, висевшем между окон. Ловкие пальцы горничной перевязали ленту, щетка, пахнувшая лавандовым маслом, прошлась по волосам, приглаживая их и исправляя то, что сделал дождь, бантики и оборки платья были поправлены, уличные ботинки сменились на легкие туфельки.

– У нас гости, Эдит? – запоздало поняла Амелия, бросая взгляд на их не то няньку, не то надсмотрщицу через зеркальную гладь.

– Гости, – сухо кивнула та. – Ее светлость хочет представить вас кое-кому. Всех вас. Всех троих, – она подошла ближе, чтобы поправить воротник платья Кармиль, который, как ей показалось, лежал недостаточно ровно. Руки с короткими, грубыми пальцами заметно дрожали. – Идите, девочки. Я приведу Фредерику.

Она сжала ладонь Амелии, словно пыталась защитить подопечную от чего-то или о чем-то предупредить. Кожа Эдит была ледяной и влажной – признак волнения.

Перед чем?

Или перед кем?

Кармиль поймала недоуменный взгляд сестры и сделала знак молчать – быстрое, понятное им двоим движение рукой.

К счастью, служанкам, видимо, не приказывали провожать сестер до дверей гостиной, в которой сидела леди Катарина с таинственными гостями, и стоило всем лишним исчезнуть, как Кармиль схватила Амелию за руку и потащила куда-то совсем не туда, куда им было нужно. Куда-то туда, где, как знала Амелия, существует таинственный мир застенья, в котором иногда обитала сестра – мир тайных переходов и коридоров, еле заметных дверей и крошечных каморок, пыльных, но очень удобных, когда тебе нужно подслушать разговор, не предназначенный для твоих ушей. Кармиль, своенравная и бойкая, знающая, что один взмах ее ресниц обладает почти волшебной силой, давно исследовала все уголки Эривэ, даже те – тем более те! – куда Амелии было нельзя: она могла пораниться или нарушить одно из множества правил, установленных свыше для таких, как она.

И разочаровать леди Катарину еще больше, чем разочаровала, появившись на свет.

– Мы не должны... – попыталась пискнуть Амелия, но сестра уже приоткрыла крошечную дверь, замаскированную под расписанную незабудками панель на стене, и, воровато оглядываясь, подтолкнула сестру вперед, в темный, пахнущий затхлостью и пылью, очень узкий коридор. – Мы испачкаемся! – Амелия прошипела это и едва не чихнула.

– Здесь рядом.

Ладонь Кармиль легла ей на плечо.

– Два шага вперед и пригнись.

Амелия пригнулась.

Идти в пыльной тьме было страшно – не из-за тьмы, а потому что пыль осядет на серой шерсти платья, запутается в волосах, выдаст их обеих – Амелия не может без того, чтобы не посадить слишком заметное пятно на юбку или не порвать чулки, забираясь на дерево.

Кармиль выходит сухой из воды.

Всегда.

– Налево.

Толчок в спину – и Амелия идет, как послушная козочка идет за хозяйкой на картинке в книге сказок, цок-цок, золотые копытца, где они ступят – вырастают розы, потому что козочка – не простая, а подарок умершей матушки. Принц увидит розы и влюбится в девушку, но прежде злые сестры козочку заколют.

– А теперь молчи и слушай!

Сквозь две крошечные дырочки в стене падали лучи света, застывая пятнами на платье Кармиль. Было тесно, дыхание сестры щекотало шею Амелии, рука Кармиль все еще лежала у нее на плече. Очень хотелось чихнуть, но было нельзя.

Голоса за стеной были тихими и действительно пришлось напрягать слух. Амелия приподнялась на цыпочках, приложила глаза к дырочкам в стене – шторы были распахнуты и гостиную заливал тусклый свет позднего октября. Было видно плечи леди Алексианы, идеально ровную спину с полоской бледной кожи, оттененной багровым шелком. Леди Катарина

сидела чуть в стороне, Амелия заметила ее черную юбку, обшитую по подолу широкой лентой жемчужно-серого кружева. И был кто-то еще. Чужие голоса, чужие тени, чужое синее платье, чужое темное платье – отсюда не разглядеть, слишком слепит луч света, смех и громкий шепот, шелканье вееров, звон фарфора, о который ударяет чайная ложечка.

– Что там? – прошептала Кармилль.

– Не знаю.

– Их трое, – Кармилль осторожно подвинула сестру в сторону и сама прилипла к крошечным окнам в гостиную. – Две леди и лорд. У него темные волосы, – добавила она, приподнимаясь на цыпочки и поворачиваясь корпусом чуть в сторону. – Я хочу скорее посмотреть! – нетерпеливо выдохнула она, чуть громче, наверное, чем следовало, но взрослые, сидящие за стеной, к счастью, ничего не услышали.

И снова – рука в руке и путь во тьме, по коридору, только теперь Амелию тащили за собой, а не толкали в спину. В этот раз путь был короче, они вышли раньше и в другой комнате – ближе к гостиной. Кармилль отдышалась и подвела сестру к зеркалу.

На всякий случай.

Снова – пара легких движений рукой по юбке и кружеву, снова – поправить ленту и локоны, уже почти высохшие, снова – одернуть воротник, снять с него лохмотья паутины, вытереть пыльное пятно с носа Кармилль, рассмеяться – подбадривая себя, а не потому что здесь есть что-то смешное, – и шагнуть в гостиную. Рука в руке.

Если Амелия в детстве играла в сказки, представляя себя и сестру запертыми в заколдованном поместье принцессами в изгнании, то у Кармилль были иные игры. Участие в них было обязательным, хотели окружающие того или нет, потому что Кармилль предпочитала не чертоги собственного разума, а вполне реальные залы и коридоры и всех, кто в них обитал. Слуги, няни, учителя, гости, друзья матушки, собачки леди Алексианы, садовник и экономка, крестьяне, нанятые, чтобы почистить пруд, послы и, главное, семья, сестры и мать, – все они были участниками игры, если Кармилль задумывала поиграть.

В Эривэ редко бывали чужие, еще реже эти чужие знакомились с сестрами, поэтому Кармилль, заметив однажды, что с какого-то момента те полтора года, которые разделяли их с Амелией, сгладились, придумала себе развлечение. Так играют близнецы, нарочно называясь именами друг друга. Сестры же д'Альвело предпочитали до последнего не называть имен, ожидая, пока новые знакомые присмотрятся и сами сделают выводы.

Амелия была старше, но тише, с детской пухлостью щек, неуверенная в себе и робкая.

Кармилль к своим четырнадцати догнала ее в росте и начала обгонять, вытянувшись, скулы ее заострились, делая лицо взрослее. Те, кто не знал принцесс лично, рисковал ошибиться, особенно если не имел смелости или наглости смотреть собеседнику в глаза.

Именно глаза Амелии выдавали ее – точнее, нечто особенное в них, нечто почти уродливое, похожее на колдовскую метку, оставленную злой волшебницей.

Но об этой особенности тоже мало кто знал. За восемь лет мелкие детали вроде родимых пятен, шрамов и прочих уродств неплохо выветриваются из памяти людей, особенно если ты никогда и не был им особенно интересен.

Поэтому, когда сестры вошли в гостиную, где сидели чужие, незнакомые – трое, две леди и загадочный лорд, – и одновременно присели в книксене, они молчали, скромно опустив взгляды в пол. Если бы кто-то стоял ближе к ним, пожалуй, он бы заметил, как у Кармилль дергается щека, а Амелия сжимает кулачок, нервничая от ожидания.

В ту ночь Амелия никак не могла уснуть. Она ворочалась, пытаясь завернуться в одеяла так, чтобы стало теплее, и думала, перекатывала в памяти все, что случилось в матушкиной гостиной сегодня днем. Амелия не знала, что мешало ей больше: осенний холод, от которого не спасала ни положенная в изножье кровати грелка, ни дополнительное шерстяное покрывало, или растревоженные, как стая галок, мысли.

Или тени деревьев на стене – они двигались, когда налетал порыв ветра, шевелили ветками, и Амелия думала, что в ее спальне вдруг открылась дверь, ведущая прямо в темный и страшный лес. «Беги» – говорил он и звал за собой, а в глубине его притаились чудовища, ведьмы и хищные птицы.

Красивый лорд из Альбы, одетый в черное, с серебряным шитьем платье, похожее на военную форму, тоже напомнил Амелии хищную. Он смеялся – приглушенно, словно сдерживая себя, таким бархатным, почти теплым смехом, он улыбался – но сквозь улыбку и смех, и сквозь ласковый тон, которым он обращался к Амелии, сквозило что-то, от чего ей было страшно.

Тогда.

И сейчас.

Он смотрел на нее пристально, так, словно мог видеть людей насквозь, словно пытался разглядеть в Амелии что-то такое, особенное, и, кажется, все-таки разглядел. И его улыбка – обычная такая улыбка, такая же, как у леди Алексианы или у матери, когда ей нужно улыбаться другим, неискренняя, но беззлобная – эта улыбка вдруг стала острой, как лезвие серпа. Ему понравилось то, что он увидел.

Амелии казалось, что стоит ей закрыть глаза и попытаться уснуть, как этот лорд – Дамиан, называла его леди Алексиана, а вот все остальное Амелия не запомнила – вдруг появился из теней, которые деревья отбрасывали на стену. Он выйдет из этого призрачного переплетения ветвей, слегка опираясь на лакированную трость, которую совершенно точно носил для большего блеска, а не потому что нуждался в ней. Он посмотрит на Амелию и снова улыбнется этой своей хищной улыбкой, а потом превратится в чудовище – в одно из тех чудовищ, которые утаскивают глупых девочек в самую чашу.

Придумать, что они там с ними делают, Амелии не хватало фантазии, но она подозревала, что нечто страшное.

Амелия перевернулась на живот и обхватила руками подушку, прижавшись к ней щекой. Наволочка была прохладной. Каждый уголок кровати, которого не касалась Амелия, остывал так быстро, что стоило повернуться – и он обжигал этой прохладой. Камин в Эривэ уже разжигали, но лишь ради гостей и днем, прогревать комнаты на ночь начнут через неделю, потому что снег хотя и выпал – но еще не лег как следует, можно и потерпеть.

В доме, где Амелия жила до того, как умер ее отец, недостатка в огне не было никогда.

Лорд Дамиан знал тайну Амелии, поэтому сразу понял, кто из сестер старшая. Он подошел к ним обеим ближе, поцеловал протянутую руку Кармиль, льстиво признавшись, что очарован второй принцессой. Он не ждал, сказал он, увидеть столь волшебный цветок, и ее светлость, видимо, не зря прячет сей сад от чужих глаз, ведь через несколько лет немало несчастных погибнут во имя этой красоты, пытаясь пробраться сквозь увитую терниями ограду. Кармиль покраснела, совсем немного, и Амелия заметила, как одна из дам, сопровождавших лорда Дамиана – та, которая была в ярко-синем платье, – прикрыла рот ладонью, пряча за нею смех, и что-то прошептала второй леди – та хмурилась, строгая и прямая, с узкими, сухими губами, в платье, похожем на то, которое носила Эдит.

У Эдит, правда, не было таких золотых колец и веера, прикрепленного к поясу золотой цепочкой.

– А это Амелия, – лорд Дамиан остановился перед ней и посмотрел сверху вниз. Амелии показалось, что он сейчас протянет руку и возьмет ее за подбородок, чтобы получше разглядеть

метку. – Амелия Джорджина Элизабет д'Альвело, принцесса крови, старшая из трех, – почти пропел он. – Я рад знакомству, леди Амелия.

Она спрятала руки за спиной сразу же, как он отошел от нее в сторону.

Никто из взрослых не предложил им с Кармиль присесть.

Было ясно, что их обеих позвали лишь затем, чтобы показать этим троим – лорду Дамиану и двум его спутницам, и нужно было просто потерпеть немного и, возможно, отвечать на глупые вопросы и согласно кивать. Так уже было – давно, в какой-то прошлой, кажется, жизни, которую Амелия помнила смутно, словно бы видела во сне.

Она и сейчас почти заснула – и в этой полудреме, неглубокой и чуткой, она видела свою прошлую жизнь и того человека, которого было нельзя называть дедушкой. Дедушки в сказках – и в разных историях, которые читала Амелии ее няня, – были теплыми и добрыми, у них можно было сидеть на коленях, при них можно было смеяться. Дедушка Амелии дважды мазнул по ней взглядом – и снисходительно кивнул, когда Амелия, тогда еще маленькая девочка в платье с узором, похожим на переплетение оленьих рогов, присела в неуклюжем реверансе и произнесла, едва не заикаясь от чести, слова благодарности за подарок.

Во сне она была в том же платье и говорила те же слова, только вот голоса у нее не было, поэтому Его Величество – так звали дедушку Амелии – смотрел на нее и хмурился, хмурился, хмурился, и вокруг становилось все тише и тише, и чем тише становилось вокруг, тем страшнее было Амелии, тем старательнее она говорила слова – до тех пор, пока не поняла, что на горло ей накинута веревка.

Потом Его Величество вдруг превратился в лорда Дамиана, который рассмеялся своим глухим смехом и потянулся к Амелии.

Его руки превращались в ветки деревьев, Амелия бежала куда-то, путаясь в подоле платья, а потом упала, потому что ее нога провалилась в яму, полную ледяной воды...

...и тут она проснулась.

Во сне одеяла сбились и нога Амелии, та самая, которая подвела ее во сне, высунулась и замерзла. Амелия села в кровати, дрожа и от холода, усилившегося, словно не октябрь был на улице, а середина декабря, или даже февраль, в который здесь, в Эривэ, дули страшные, пронизывающие насквозь ветра. Амелия подтянула ноги к себе и обхватила руками колени, пытаясь успокоиться, а потом стремительно, так, словно бы в углах ее комнаты правда притаились чудовища, набросила верхнее одеяло себе на плечи и выбежала из комнаты, не зажигая огня, босиком, на цыпочках.

Им не разрешалось бродить по ночам. Эдит могла заметить и пожаловаться матери, а та начала бы кривиться и напомнила бы, что хорошим девочкам полагается спать, когда гасят свет, или лежать с закрытыми глазами, если не спится. Но Эдит сама со временем стала по ночам спать глубоко, так, что хоть ты в ладоши у нее над ухом играй, не проснется. А Кармиль научила Амелию ходить так тихо, что мыши и призраки, пожалуй, могли ей позавидовать.

Амелия выскользнула через приоткрытую дверь своей спальни, огромной и полупустой, с глубоким темным зеркалом над камином и расписным потолком, и тихо, представляя себя мышиною королевой, за которой, пританцовывая и придерживая лапками плащи и платья, сотканые из паутины, идет ее крошечная свита, пересекла гостиную – одну на троих. На узком диване прямо посередине спала, завернувшись в плед, Эдит, и Амелия чуть обернулась и приложила палец к губам, словно делала знак всем теням, текущим за ней, и всем мышам, которые были в ее воображении, тоже вести себя тише. В гостиной пахло розовой водой и пудрой, которой пользовалась Эдит, и еще шерстью и пылью от ее платья, брошенного на спинку дивана.

На минуту Амелии показалось, что из спальни Фредерики, дверь в которую была чуть приоткрыта, разнеслось не то покашливание, не то всхлип, и она замерла на месте, вытянувшись в струнку, и зажмурилась, надеясь так отвести от себя беду – и вся мышинная процессия, конечно, тоже застыла в тех позах, в которых была в этот момент. Но если Фредерика и каш-

ляла или собиралась расхныкаться, делала она это во сне – и не стала продолжать, отвлекшись на что-нибудь более приятное, решила Амелия, к примеру, на очередной свой сон о сладостях и котятках – о чем еще могут видеть сны девочки в ее возрасте?

...о феях, вспомнила Амелия и содрогнулась, делая еще один осторожный шаг в сторону комнаты средней сестры. Об острых зубах и оленьих рогах, о болотной воде и пожарах, и еще о чудовищах, которые гонятся за тобой сквозь чащу...

– Ты чего не спишь? – прошипела Кармиль, когда Амелия нырнула к ней в кровать и обвила сестру замерзшими руками, пряча нос у нее в волосах. Пахло молоком и лавандой. – Ноги холодные, как у жабы.

Амелия пробурчала что-то насчет нерадивых слуг, которые, кажется, решили умертвить хозяев простудой.

– Глупости, – отмахнулась Кармиль сонно и поделилась с Амелией своим одеялом. – Эдит будет ругаться.

– Я сбегу раньше.

– Если кое-кто не разбудит ее в пять утра, – Кармиль поправила волосы, взъерошенные сестрой, и зевнула так сладко, как зевают только довольные жизнью люди и сытые кошки. – Опять кошмары?

– Замерзла, – соврала Амелия.

Они лежали лицом к лицу, подложив ладони под щеки, и в темноте смотрели друг на друга. Из-за приоткрытой двери доносилось громкое дыхание Эдит и тиканье часов, за окном выл ветер. От близости сестры Амелия пригрелась и почувствовала, как ее начало клонить в сон, но не успела прикрыть глаза, как Кармиль вдруг сказала – негромко и осторожно, словно боялась спугнуть свою мысль:

– Ты же поняла, к чему все идет?

Амелия покачала головой: «– Нет», – сказала она шепотом, чуть разомкнув губы.

Рука сестры легла ей на плечо – и погладила сквозь одеяла.

– Мы уедем отсюда. Я думаю, к зиме.

– Нет.

Амелия сама удивилась тому, как твердо это прозвучало.

– Уедем, – настойчиво сказала Кармиль. – Лорд Дамиан сказал нашей матушке, что ей не следует скрывать нас в глуши, что мы должны уже выйти в свет, ведь держать траур столько лет – это неуважение, – она зашептала быстро и едва ли не громко, так, что даже спохватилась и прикрыла рот, испугавшись не то сорвавшихся слов, не то самого звука своего голоса. Эдит в соседней комнате все так же спала.

– Ты подслушивала.

Это был не вопрос – утверждение, и Амелия даже не осуждала сестру.

– Конечно, глупая, ведь в отличие от тебя я не хочу зачахнуть здесь от простуды или старости, – хмыкнула Кармиль и заерзала. – Только не думай, что я тебе прямо сейчас все выложу, мне самой не терпится, но нужно подумать... Послушай, Амелия, этот дом – тюрьма, мы живем здесь, словно впадшие в немилость к его величеству, хотя это не так, неужели не понимаешь? – горячо зашептала она. – Ты же сама говоришь, что Эривэ – домик злой ведьмы, похитившей принцесс, ну! И вот лорд Дамиан пришел спасти нас! Как прекрасный принц.

– А злая ведьма – это наша матушка? – спросила Амелия, подумав, что в ее сне лорд Дамиан был совсем не принцем. – Или леди Алексиана?

– Фу на тебя, – Кармиль отвернулась, перетянув на себя одеяло. – Как хочешь, Амелия, – сказала она степенно, тоном настоящей светской дамы – именно так они обе говорили, когда хотели посмеяться над леди Алексианой, только вот сейчас, кажется, Кармиль была серьезна. – Я помню, что я – принцесса, и мне полагается выезд, платья и десяток фрейлин, а не старое

поместье в глуши, где из всех друзей у меня есть только свое отражение, потому что с дочками фермеров таким, как мы, играть не следует.

– А я? – выдохнула Амелия.

– А ты – моя сестра, – Кармиль сменила гнев на милость и повернулась к ней, ласково погладила Амелию по волосам и добавила: – Это куда больше, чем дружба, понимаешь? Неужели тебе самой не скучно здесь?

Амелия прикусила губу и помотала головой.

Скучно ей было только если заставляли сидеть на одном месте и вести себя прилично, и то со временем Амелия научилась сбегать в воображаемый мир, который с каждым годом становился все больше и интереснее. Так что нет, скучно ей не было.

– Ты странная, сестренка, – заявила Кармиль и двинулась чуть вперед, чтобы поцеловать Амелию в лоб. – Странная, но хорошая. И вот увидишь, скоро все изменится... Тихо, – вдруг скомандовала она и замерла, потому что со стороны гостиной послышался кашель.

Госпожа Эдит заворочалась, закашлялась, сказала что-то неразборчиво, полупшепотом, и продолжила спать.

– Слышишь? – зло прошептала Кармиль. – Как страшный призрачный пес на службе у ведьмы, стережет пленниц!

И хихикнула, радуясь своей шутке.

Амелия спрятала лицо в складке одеяла и подумала, что, наверное, Кармиль права: раз чужаки вдруг появились в Эривэ, наверное, что-то изменилось в их матери, в леди Катарине, в том, как она смотрела на мир и что от этого мира хотела. И, наверное, Кармиль и правда хотела вернуться в тот, другой мир, который она – они обе – не успели толком рассмотреть, в мир, которым пахло от леди Алексианы, который жил и сиял далеко-далеко отсюда, за лесом, окружавшим Эривэ, и за дорогами, мостами, реками и болотами. Он представлялся Кармиль сказочной страной, полной света и смеха, сладостей и нарядов, блестящих драгоценностей и музыки, тогда как Амелия помнила лишь тишину, скуку и усталость от постоянных запретов и строгих взглядов. Сладости, драгоценности, музыка – все это было тоже, но Амелии не разрешалось касаться их, как не разрешалось трогать фарфоровые статуэтки или разные интересные вещи на мамином столике с зеркалом.

Для Амелии, собственно, мало что поменялось, когда они уехали в Эривэ.

Разве что здесь, в этом доме злой ведьмы, она иногда казалась себе свободнее, чем была там, в детстве, в другом мире, куда Кармиль так хотела попасть.

Мы просидели у Шамаса до темноты и вышли не в белый, самую малость морозный день, а в сизые сумерки. Сейчас мороз окреп. Воздух стал прозрачен и тих. Снег, который я видела из окна, прекратился, рыхлый и легкий, он лежал тонким слоем на земле и крышах и совсем не таял. За спиной, в просвете домов, я видела кораллово-красные облака на горизонте – солнце садилось.

Ренар нес фонарь с кристаллом, а я шла рядом, сунув руки в карманы и прижав локтем книгу, чтобы не уронить ее. Было холодно и свежо, и после захлащенного, пусть и уютного жилища Шамаса эта свежесть казалась мне глотком чистой воды в жаркий день. Я словно впитала в себя весь жар очага и все запахи – кофе, специй и пыли, табака и виски, трав и чего-то маслянисто-металлического, чем пахло от закрытой двери кабинета. И сейчас, на этом холодном воздухе, пока мы идем от почти самого сердца города к его окраине, запахи выветрятся из волос и складок платья, а жар внутри меня остынет. Вот о чем я старалась думать, но мысли раз за разом возвращались к Амелии.

Казалось бы, думала я, пиная попавший под ногу камушек, принцесса, мало ли тут принцесс и принцев, куда ни плюнь – аристократия, голубая кровь, точеные скулы и взгляды всех оттенков презрения. Принцесса, дочь того, кто должен был стать королем, но умер – и не сложилось. И все пошло не так.

В этом «не так» мы с ней, пожалуй, были похожи.

И если Шамас прав, и леди Амелия такая, как он о ней рассказывал, то мы, возможно, найдем общий язык.

А если он не прав, и за те несколько лет, которые прошли с того момента, как он разговаривал с кем-то, кто был лично знаком с вдовствующей герцогиней д'Альвело, Амелия изменилась и из мечтательной тихой девочки превратилась в самую обыкновенную капризную аристократку?

Хотя сколько капризных аристократок ты здесь уже встретила, леди Лидделл? Ну, кроме Феликса, который явно играл на публику?

Правильно. Ни одной.

– О чем задумалась? – спросил Ренар, не останавливаясь.

Мы вышли на крошечную площадь, посреди которой в каменной чаше из-под снега выглядывали кристаллы. Их света было не больше, чем от обычных свечей, но, в отличие от свечей, кристаллы не гасли от дождя или снега, только от того, что магия внутри них высыхала, истончалась, выветривалась – это я уже выучила. Ставни домов были раскрыты, я видела, как там, за шторами, двигались силуэты людей. Сама площадь была почти пуста – только стражник, прошедший мимо, мазнул по нам внимательным взглядом и приложил руку к своей шляпе в знак приветствия.

Я кивнула ему в ответ.

– Об Амелии, – призналась я Ренару. И еще о том, что Шамас – единственный, кто дал мне хоть сколько-то полезную информацию. В отличие от всех остальных. – И о том, что я не хочу никуда уезжать.

– Ну, – он задумчиво посмотрел вдаль. – Здесь у тебя нет выбора.

Я промолчала, потому что выбора у меня здесь, кажется, вообще никогда не было.

Следующая улица забиралась на холм, огибала его, оставляя пустым от домов и прочих строений, деревьев или клумб с цветами, словно этот невысокий холм был чем-то неприкосновенным, запретной территорией. Снег на нем белел, не тронутый ничьими следами.

– Ты странная девушка, Мари, – сказал Ренар у следующего поворота, словно бы все то время, пока мы шли вверх по улице, огибающей холм, эта мысль тяготила его, и он думал, как ее выразить, не обидев меня. – Книжки и компания двух скучных дам, которые старше тебя на целую жизнь, привлекают тебя куда больше, чем музыка, балы и прочие развлечения. И это, поверь мне, не попытка тебе польстить, скорее беспокойство.

Я поморщилась.

– У меня нет настроения веселиться, знаешь ли.

– Да брось, – он шутливо толкнул меня локтем. Фонарь качнулся, заставив тени броситься врассыпную. – Ты заразилась старушечьей вредностью и прячешься от мира, как болотные огоньки – от солнца. Этот дом даже на меня наводит жуть, – признался он и остановился, подняв руку с фонарем. Впереди виднелась ограда, окружающая дом дель Эйве. – В Замке было не так... тоскливо.

Это было сказано так, словно бы Ренар сам только что понял, насколько ему не так.

– В Замке все было честно, – я пожалала плечами. – Простые правила: не гуляй ночью, не подглядывай за богартами, не беси Сильвию и в случае чего громко зови господина мага. А тут все в чужих секретах, куда ни ступи – наткнешься на тайну, о которой тебе знать не положено. И господин маг, кажется, решил, что у него есть дела поважнее, чем капризы всяких дурных

девиц, – я запнулась и нервно сглотнула, понимая, что сказала это слишком зло, слишком явно проявила свое недовольство.

Ренар чуть повернул голову и посмотрел на меня. В полутьме я не могла разобрать выражение его лица, но мне почему-то показалось, что это было что-то вроде понимания.

Я вздохнула и подошла ближе, ткнулась лбом в его плечо, сама поражаясь своей смелости сейчас. Мне то ли хотелось спрятаться от стыда, то ли просто почувствовать рядом живого человека. Настоящего. Ренар взял фонарь в другую руку и обнял меня, сжав пальцы на рукаве пальто. Запах морозного воздуха смешивался с запахом вишневого табака и кофе, и мне на минуту стало почти спокойно, настолько, что я, поправив книгу под мышкой, задрала голову – и посмотрела наверх.

Так же, как недавно смотрела на другое небо этого мира – над хребтом Бергрэнзе, ледники которого серебрились в свете двух полных лун. Более глубокое, чем здесь, над холмами.

Небо заполнялось звездами, постепенно, с темного востока – к блекло-лиловому западу, чуть затянутому облаками. Луны уже взошли, одна из них висела высоко, прямо над крышей Гнезда, прямо над садом, вторая тянулась к ней от самого горизонта, и обе они были – два острых, тонких серпа, очень яркие, бело-желтые, как кость или воск для свечей, со светящимся от мороза ореолом. Поля и холмы вокруг, крыши домов, черные ветки кустов и деревьев, ограда, все в этом мире сейчас стало серебристо-серым, полным теней и отблесков, и я подумала, что мы вдвоем, замершие здесь, на дороге от города к большому дому, открыты всем ветрам и всем глазам, которые могут скрываться в этой зимней тьме.

Там, где темнота была гуще всего, рядом со второй луной – вечно отстающей луной Изнанки – сияла очень яркая и колючая звезда. Я поймала ее взглядом и не могла понять, мерещится ли мне ее мерцание, похожее на переливы света, а она притягивала к себе, слишком яркая и в то же время зыбкая. Эта звезда, казалось, была отдельно от остальных: то ли вокруг нее не было других звезд, то ли их время еще не пришло, я не знала. Названия – тоже, потому что, хотя карты созвездий моего Зазеркалья и попадались мне среди прочих карт во всех библиотеках, где я пряталась от мира и людей, я ни разу не решилась изучить их достаточно хорошо.

Так же хорошо, как однажды, в детстве, изучила карту созвездий своего мира – а потом искала в небе кусочки знакомых фигур. Тогда звезды были ярче, и свет большого города еще не гасил их для меня.

На этом небе не было ни знакомого ковша, ни зигзага Кассиопеи, ни раскинувшего крылья лебедя.

Пальцы Ренара разжались – только чтобы перехватить книгу, выскользнувшую, хотя я, казалось бы, крепко прижимала ее к себе.

– Пойдем, а то замерзнешь, – сказал он и провел рукой по обложке, словно пытался стряхнуть с нее снег или капли воды, или что-то еще, чего на ней точно не было. – Или Присцилла и правда станет нас искать и больше мне тебя не доверит.

Присцилла не искала нас. Нас, кажется, вообще никто не искал, только Ахо выскочил на крыльцо из теней и демонстративно махнул хвостом, убегая в темный коридор. Я не знала, следил ли он за нами в городе или его разрешение на перемещения распространялись только на территорию поместья. Дом встретил нас тишиной и полумраком – как всегда, и лишь в малой гостиной, в той, которая была на первом этаже рядом со столовой, сидела леди Тересия.

Я не знаю, ждала ли она нас, или выбор комнаты – одной из многих пустых комнат этого дома – был случайным. Тересия часто вела себя как кошка при очень любящих хозяевах: у нее были любимые места, любимые кресла и диванчики, любимые комнаты и углы в этих комнатах, где часто обнаруживалась либо она сама, либо какая-то ее вещь – шпилька, спицы, шаль или книга. Это можно было бы списать на рассеянность, но Тересия всегда хорошо помнила, где что оставила.

Чужое пространство, впрочем, она никогда не нарушала. В отличие от Присциллы, имеющей привычку иногда дожидаться меня прямо в моей комнате. К счастью, кроме того случая с «Франческой», мои вещи она больше не трогала.

Сейчас Тересия что-то читала, держа книгу рядом с красивой и яркой лампой, внутри у которой было целых три кристалла. Обложка книги была аккуратно обернута плотной узорчатой бумагой, то ли ради сохранности, то ли потому, что Тересия, как выяснилось, предпочитала читать то, что Присцилла любила издевательски комментировать.

Я бы тоже на всякий случай оборачивала книги газеткой, живи я в компании кого-то вроде Прис.

Тересия оторвалась от чтения и посмотрела на нас, рассеяннo моргая и щурясь.

– О... вы вернулись... – только и сказала она.

– Я же обещал вам партию в карты, леди Тересия, – Ренар расплылся в улыбке и сделал пару шагов вперед, к двери, ведущей в столовую. – Но перед этим, с вашего позволения, я наведаюсь в кухню, раз мы с леди Лидделл бессовестно пропустили обед сегодня. Леди Лидделл составит мне компанию? – уточнил он, глядя на меня.

– А? Да, точно, – я ожила и поняла, чего от меня хотят. – Доброго вечера, леди Тересия, – кивнула я пожилой леди, проходя мимо. Та по-прежнему ласково улыбалась. – Если хотите, я почитаю вам вечером, – добавила я чуть тише, тоном заговорщика.

– Это будет мило с вашей стороны, Мари, – Тересия прикрыла книгу, оставив палец между страниц там, где она закончила читать. – Присцилла в лаборатории и просила сказать вам, чтобы вы подошли к ней, сразу, как вернетесь.

Я замерла в двух шагах от Ренара и двери. Ренар вопросительно поднял брови, я развела руками в стороны.

– ...но, Мари, не переживайте, – добавила Тересия, снова утыкаясь в книгу. – Я не думаю, что чашка чая задержит вас надолго. В этом доме никого не заставляют работать на пустой желудок. Я запомнила ваше обещание, милая, – бросила она мне, когда я уже почти проскользнула в столовую. – И твое тоже, мой хороший.

Я заметила, как Ренар по-доброму усмехнулся, закрывая за мной дверь.

– Добрый вечер, леди Лидделл.

– Добрый вечер, леди Присцилла, – я коротко присела в знак приветствия, хотя Присцилла лишь махнула мне рукой, не подняв взгляда от металлической чаши, в которой смешивала содержимое многочисленных скляночек, окружавших ее.

В лаборатории пахло травами, воском и каким-то смутно знакомым мне эфирным маслом. Пять волшебных кристаллов, стоявших тут же, на столе, давали достаточно света, чтобы можно было разглядеть надписи на этикетках – латынь, конечно, латынь, таинственные цифры и мелкие, незнакомые мне символы.

– Вряд ли вам стоит знать, чем я занимаюсь, – сказала Присцилла, все так же не отвлекаясь на меня. – Пара минут, и я закончу. Как ваша прогулка? Унылые пейзажи еще не начали нагонять на вас тоску?

Я скользнула взглядом по оконному стеклу, которое разделяло комнатку, залитую светом, и густую тьму, наполнившую сад. Мелкие, неровные стеклышки отражали огоньки и силуэт Присциллы, искажая картинку, дробя ее на кусочки и собирая их вместе. Каждое движение внутри комнаты меняло положение теней – и блики на стеклах тоже менялись.

Мое молчание затянулось чуть дольше, чем мне было нужно, чтобы придумать дежурный ответ в этом диалоге вежливого равнодушия, а я так и не придумала, что сказать.

– Мы были у Шамаса.

Присцилла еле слышно фыркнула, как кошка, в миску которой попало что-то, достойное лишь презрительного движения усами.

Я сделала шаг вдоль шкафчиков, стоящих у стены, и провела рукой по резным деревянным дверцам, за которыми, как я помнила, скрывались пучки трав, камни, коробочки с чем-то, инструменты и стеклянные сосуды.

– Шамас рассказал мне об Амелии, – продолжила я, наблюдая за тем, как Присцилла размешивает ложкой с длинной витой ручкой темную, густую почти как мед субстанцию. На меня она все так же обращала внимания не больше, чем на сияющие кристаллы. – Как так получилось, что принцесс никто не видел несколько лет?

– При желании их могли бы не видеть еще дольше, – Присцилла, наконец, подняла на меня взгляд. Правда, лишь для того, чтобы попросить передать бутылку из темного стекла, которую пришлось достать из шкафчика слева от меня. – Когда в жилах ребенка течет особая кровь, его существование либо старательно скрывают, либо выставляют напоказ – с таким же рвением и старанием, как при иных обстоятельствах старались бы скрыть. Леди Катарина прикрывалась трауром, чтобы спрятать себя и своих дочерей, но вот о ее целях, милая, я судить не возьмусь. Может быть, не хотела, чтобы девочек втянули в какую-нибудь увлекательную игру, а, может, наоборот, придумывала свою собственную партию.

Темная, густая жидкость медленно стекала на дно бутылки, Присцилла следила, чтобы она не пролилась мимо, и продолжала говорить:

– Я слишком стара и цинична, чтобы верить в столь затяжной траур. Разве что в траур по упущенной возможности стать королевой, – она снова фыркнула. – И слишком хорошо знаю Катарину, чтобы не питать иллюзий относительно ее любви. Ах, бедняжка Катарина, она была так близка, так близка к своей цели, но судьба была так коварна, – почти пропела Присцилла, защелкнула механизм, закрывающий бутылку фарфоровой пробкой, и коротко рассмеялась. – Впрочем, его высочество Фредерик был тем еще оленем.

Я удивленно наклонила голову набок.

– Что? – Присцилла улыбнулась этой их кривой улыбкой, которой улыбались все дель Эйве. – Вы же не ябеда, Мари, и не нажалуетесь Антуану, что я считаю его погибшего брата... не слишком умным? Мальчик, конечно, беззастенчиво использует моего племянника в своих целях, и я имею право на некоторые вольности...

– У вас сегодня хорошее настроение, леди Присцилла, – сказала я.

– Я предвкушаю интересную игру, – сощурилась она в мою сторону. – За которой буду наблюдать вблизи. Вам повезло чуть меньше, милая, вы окажетесь в самой гуще событий. Так что кое-где придется хорошенько вас подготовить.

Она расторопно убрала все со стола, попросив меня подвинуться куда-нибудь, где я не буду мешать. Я встала спиной к окну. Спине тут же стало холодно, и я вздрогнула, подумав, что кто-то в этой зимней темноте может следить за мной и прямо сейчас смотреть в меня неприятно-пристальным взглядом тысяч глаз.

– Мои симпатии однозначно на стороне Дара, – продолжила Присцилла как ни в чем не бывало и подошла к двери, ведущей в библиотеку. Я заметила у нее в руке две свечи. – Пойдемте, леди Лидделл. Сегодня никакой каллиграфии, обещаю.

Она тонко улыбнулась, наклонив голову к плечу, и придержала дверь передо мной. Я прощмыгнула мимо Присциллы, стараясь не задеть ее плечом или локтем. В библиотеке никого не было, даже Корвина, который частенько поджидал меня здесь, словно угадывал, когда я собираюсь спрятаться в книгах. Только огонь в камине лениво доедал остатки дров. Я дернулась, чтобы хлопнуть в ладоши и зажечь кристаллы, но Присцилла цыкнула на меня и попросила повременить.

Становилось все интереснее и интереснее.

– Я прекрасно понимаю, что не каждая молодая девушка способна провести четыре часа, непрерывно выводя буквы или срисовывая в альбом листья растений, – Присцилла взяла подсвечник с полки, на которой стоял с десяток ламп, подсвечников и канделябров. – Поэтому меня приятно удивила ваша усидчивость... хотя я и понимаю, что это в большей степени упрямство, чем послушание, – заметила она с оттенком удовольствия. – Скажите, леди Лидделл, вам понятно, для чего я заставляла вас заниматься подобной ерундой?

Она застыла рядом с камином и пристально посмотрела на меня.

Я вздернула подбородок и непроизвольно сжала правую руку в кулак.

– Концентрация и наблюдательность, – сказала я уверенно, потому что знала.

Присцилла оскалилась и кивнула:

– Концентрация, наблюдательность и усидчивость, милая, – она выделила слово «усидчивость», то, про что я забыла. – И кое-что еще. Уверенность пальцев. Твердость руки. Навык вести линию именно так, как тебе нужно, не давая ей уползти вбок. Не могу сказать, что у вас это все прекрасно получалось, но, – она наклонилась, чтобы зажечь от камина длинную щепку, а от щепки – одну из свечей. – Но за старательность и, хм, упрямство вы определенно заслужили награду. Поэтому сегодня я попытаюсь научить вас одному фокусу. Погасни, – командовала она камину, и я вздрогнула, когда тот послушался – и действительно погас.

Резкие тени сделали лицо Присциллы хищным и злым, заострили скулы. Прикрывая огонек ладонью, Прис подошла к столу и поставила на него подсвечник. И отошла в сторону, на самую границу светового круга.

– Есть несколько упражнений для того, чтобы научить одаренного ребенка контролировать силу и направлять ее. Это, – послышался шелест ткани: Прис махнула рукой в сторону свечи, – одно из самых простых. Погасить, а затем снова зажечь свечу.

– Почему не наоборот? – спросила я, подходя ближе.

Из сумрака раздался смешок:

– Чтобы зажечь несуществующий огонь, леди Лидделл, ваших скромных талантов не хватит. А вытащить его из тепла, оставшегося в фитиле... может быть, получится.

Я уставилась на огонь – и тут же отвела взгляд в сторону, потому что привыкшим уже к сумеркам глазам стало больно. Светлое пятнышко так и зависло передо мной, пришлось проморгаться.

Темнота вокруг снова зашелестела: кажется, Присцилла села на один из стульев.

– Помните, о чем мы с вами говорили во время нашей первой беседы о магии?

– Да.

– О чем, леди Лидделл? – голос Присциллы был ровным. – Что есть суть вашего таланта? Что вы сейчас должны сделать?

Это было похоже на то, как усталый и потому уже равнодушный до доброты препод начинает подсказывать тебе на экзамене тему, в которой ты откровенно плаваешь – и не важно, по незнанию или от волнения.

– Талант помогает изменять мир согласно воле волшебника, – неуверенно ответила я. – Погасить огонь – это изменение.

– Конечно.

Кажется, она кивнула.

– Но я могу просто подойти и задуть ее...

– Или затушить пальцами, или использовать специальный колпачок, или просто бросить в воду, окно или даже камин – формально свеча погаснет в любом случае. Формально – вы измените мир так, как того желаете. Но наша цель сейчас не в том, чтобы погасить ее, а в том, чтобы вы сделали это с помощью магии.

Я снова осмелилась посмотреть на огонь – глазам все еще было неприятно. Свеча горела удивительно ровно, будто бы здесь не было ни сквозняков, ни шевеления воздуха от нашего дыхания или движений. Язычок пламени тянулся вверх, чуть дрожа, растаявший воск блестел.

– Что вам говорит ваше воображение, леди Лидделл? – Присцилла снова пошевелилась.

– Ничего, – призналась я, чувствуя себя невероятно глупо. Пожалуй, предложи она мне произнести нараспев какое-нибудь заклинание на неизвестном языке, я бы чувствовала себя менее глупо и неловко.

– Плохо, – едко сказала Присцилла. – Маг с молчаливым воображением – плохой маг. У вас есть... скажем, четверть часа. Если хотите – медитируйте, глядя на огонь, говорите с ним, пойте ему колыбельную... Не вслух, конечно, а то я боюсь, что ваши вокальные данные могут оказаться не лучше ваших навыков рисования. А я подожду.

Я сжала и разжала пальцы.

– И не буду комментировать ваши действия, – добавила Присцилла мягче. – Воля ваша.

Растаявший воск подтопил тонкий контур свечи и стек вниз, застыв на кромке подсвечника, не дающей ему капнуть на стол. Огонь задрожал, но быстро выровнялся.

– А как мы пойдем, что это я, а не, например, сквозняк?

– Поверьте, вы будете знать, – Присцилла постучала кончиками пальцев по столешнице. – Даже если сквозняк будет вызван вашей волей, вы отличите ее от случайности.

– А что бы сделали вы? – Я посмотрела в сторону силуэта леди дель Эйве. Огонь бликовал на пуговицах ее платья.

– Я? – она изумилась не то вопросу, не то тому, что я осмелилась его задать. – О, милая... Я бы вспомнила, что такое процесс горения, и попыталась повлиять на него изнутри или снаружи. Или договорилась бы с огнем, представив, что он – живое существо. Но хватит с вас подсказок. Действуйте, – она снова махнула рукой. – Я жду.

Я подошла к столу, придвинула себе стул и села, положив локти на стол, так, чтобы свеча оказалась почти у меня под носом.

С того момента, как я посмотрела в глаза чему-то огромному и древнему, и мир вокруг сначала распался на тонкие нити Силы, а потом снова стал самим собой, магия внутри меня застыла. Я не чувствовала ее – точнее, я не чувствовала в себе вообще никаких изменений, кроме странной, почти стерильной пустоты в голове после транса и пару дней спустя. Эта пустота сделала меня очень спокойной и послушной, даже равнодушной к тому, что происходило вокруг, и мне казалось, что я словно бы вышла из комы. Очень слабая, но отдохнувшая на много лет вперед.

А вот магии – как покалывания в пальцах или чувства тепла, растущего где-то в солнечном сплетении – этого не было. И я не торопилась ее искать. Вместо этого я училась держать в руках перо, подчинить которое было той еще задачей, и, как бумага – чернила, впитывала все те знания, которые пыталась вложить в мою голову Присцилла – и не только она.

Каждый волшебник, вспоминала я, глядя, как плавится и оплывает воск, каждый, кто обладает талантом, должен уметь подчинять силу своей воле и своею же волей направлять ее в нужную сторону. Каждый волшебник делал это по-своему – просто потому что каждый вол-

шебник был в итоге человеком со своими мыслями в голове. Магия не давала готовых схем – все эти кристаллы, щелчки пальцами, заклинания и арки порталов придумали люди, просто эти люди были достаточно умны, чтобы не только осознать некие принципы, но и облечь их в форму, понятную большинству. Большинство – вроде меня – беззастенчиво этим всем пользовалось, но при столкновении лоб в лоб с конкретной задачей, которую нужно было решить здесь и сейчас, не имея под рукой волшебной кнопки изменения реальности, оказывалось беспомощным.

Поэтому я молчала и слушала, как потрескивает сгорающий фитиль.

Присцилла тоже молчала, как и обещала, но с каждой минутой, с каждой каплей воска, стекающей вниз, это молчание становилось тяжелее и тяжелее.

Я чувствовала неприятно-щекотное чувство, бегущее вдоль позвоночника, потому что, кажется, мне устроили что-то вроде небольшого экзамена, а я сейчас его эпически заваливала – к явному неудовольствию экзаменатора. И если я ее разочарую, Присцилла не станет это скрывать – ни передо мной, ни перед остальными. Думать и искать решения, чувствуя, как над тобой нависает меч чужого осуждения, было тяжело.

Я отвела взгляд в сторону, моргнула, чтобы прогнать призрак свечи, отпечатавшийся на сетчатке. Темнота за пределами светового круга казалась гуще, плотнее, чем раньше, словно зажженная свеча заставила всю ту тьму, которая заполняла комнату, сгуститься, вытеснив ее к углам и стенам.

Огонек дрогнул – темнота тоже дернулась, а в мою голову пришла мысль, которая начала мне нравиться.

Я закрыла глаза и уткнулась лицом в сложенные на столешнице руки, пытаюсь представить – Присцилла же намекнула, чтобы я проявила фантазию! – как темнота, отступившая в стороны, собирается за моей спиной – и обрушивается на свечу, вытесняет свет так же, как свет до того вытеснял ее саму, постепенно, медленно, пока огонь, дрожащий на фитиле, не уменьшится до крошечной оранжевой искорки и не погаснет совсем, лишенный пространства, нужного ему, чтобы гореть. Я представила себе это настолько четко, насколько могла, не поднимая головы, потому что боялась увидеть, что свеча не погасла.

Тогда бы я почувствовала себя полной дурой.

– Знаете, леди Лидделл, – задумчиво сказала Присцилла, вырывая меня из моих фантазий в реальный мир. – Вы весьма оригинальны.

Я открыла глаза – свеча погасла.

Сквозь стеклянный потолок в библиотеку смотрела звездная ночь – темнота перестала быть плотной, превратилась серо-сизый сумрак, в котором лицо Присциллы казалось бледной маской с черными провалами глаз и рта.

– У меня получилось, – сказала я.

– Вы понимаете, что вы сделали? – так же задумчиво спросила Присцилла. Ее пальцы ударили по столешнице – от мизинца до указательного, один за другим. – Нет, леди Лидделл, я много чего видела в своей жизни, поверьте, – она покачала головой, то ли осуждая, то ли удивляясь. Я недоуменно молчала, не зная, радоваться мне победе или начинать бояться, что я что-то сделала не так. – Мои племянники тоже отличались некоторой... оригинальностью и стремлением эту оригинальность продемонстрировать, но, пожалуй, вы их даже превзошли.

– Но у меня получилось, – снова сказала я, уже тверже, с еле скрываемым триумфом.

– Получилось, – она щелкнула пальцами, зажигая кристаллы. – Я бы удивилась, если бы у вас не получилось, леди Лидделл, потому что у этой несчастной свечки не было ни единого шанса. Пожалуй, вторую часть упражнения оставим на следующий раз, – Присцилла встала и вытащила огарок из подсвечника. – Или оставим вообще. Боюсь, если я попрошу вас разжечь из искры пламя, вы с вашим рвением спалите этот несчастный дом к Неблагому.

Присцилла рассматривала остатки свечи так, словно держала в руках нечто не слишком приятное и, возможно, ядовитое. На ее губах была кривая улыбка.

Я сложила руки на коленях.

– И все-таки...

– Вы ждете от меня одобрения, леди Лидделл? – Присцилла вскинула одну бровь. – Ну... Вам следует подучиться аккуратности и умеренности, но вы справились. Правда справились, – она подошла к камину и сделала пас рукой, заставляя остатки огня в дровах снова гореть, положила в этот огонь свечу. – Только, прошу вас, не рассказывайте о подобном триумфе людям, которым о нем знать не следует. Ваши... нестандартные методы могут кое-кого напугать, – добавила она как бы между прочим и задумчиво посмотрела на меня. – А ведь у Юлиана появился отличный шанс немного посмотреть на себя со стороны...

– Это комплимент? – переспросила я.

– Это ирония, – отозвалась Присцилла. – На сегодня все. Отдыхайте. И, мой вам совет, – она наклонила голову набок. – Сходите на кухню и попросите что-нибудь сладкое. И поужинайте, если вы еще не ужинали. Если вы упадете в обморок, никому от этого не станет легче.

Магия давала власть, но всегда брала свою плату.

Я запомнила этот закон очень хорошо в тот момент, когда ловила падающего в обморок Кондора.

Каждый волшебник должен хорошо знать свои границы возможного, сказала как-то Присцилла, знать их и не переступать. Как любят делать некоторые крайне самонадеянные мальчишки, привыкшие верить в собственное всемогущество, добавила она, ухмыляясь. Знание этих границ куда важнее подобного всемогущества, потому что магия опьяняет – и может здорово ударить в голову, если слишком ею очароваться.

Поэтому хороший маг всегда следит за тем, сколько он спит, что ест и достаточно ли его тело крепко, чтобы выдержать работу с энергией. Физические упражнения были так же важны, как умение читать тайные знаки или вызубренные на зубок ритуалы, и Присцилла могла привести множество примеров, когда юноши, подававшие большие надежды на заре своей карьеры, превращались в избалованных, изнеженных придворных, не способных на большее, чем пара дежурных иллюзий и охранных заклятий. За примером того, к чему приводит пренебрежение к еде и сну, сказала она, ходить далеко не надо.

Иногда мне казалось, что каждая вторая ее фраза содержала шпильку в сторону Кондора. Иногда я была уверена, что мне не казалось, и Присцилла использовала каждую мелкую возможность, чтобы поддеть племянника – вне зависимости от того, присутствовал ли он поблизости лично.

Впрочем, совершенно так же легко она могла ставить его в пример там, где считала нужным.

В первое время меня это задевало, как не могло не задевать ощущение, что ты становишься чем-то вроде стенки, в которую одна из сторон бросает мяч, чтобы он срикошетил в оппонента. Мне хватило ума молчать, даже если замечания казались мне несправедливыми, и со временем то ли я привыкла и перестала обращать внимание, то ли тон Присциллы стал мягче, потому что я не пыталась с ней спорить, но – так или иначе – ворчать на нерадивого племянника при мне она стала реже.

Зато я сама начала на него почти злиться.

Потому что иногда мне очень нужно было с ним поговорить – как сейчас, после того, как я вышла из библиотеки и вдруг осознала, что руки начали мелко дрожать, а внутри меня, где-то чуть ниже ребер, поселилась обжигающая холодом пустота. Моя первая попытка колдовать – почти самостоятельно, черт возьми! – мой первый самостоятельный выбор действия, удачно выполненное задание, не похожее на эти бесконечные упражнения по каллиграфии и рисование кривых картинок, мои первые неуклюжие, но сработавшие чары были тем, за что я очень хотела бы, чтобы меня похвалили.

Только рядом не было человека, который сделал бы это так, как я хотела.

Но раз уж леди Присцилла почти приказала мне пойти поесть, наверное, стоило сделать это в первую очередь, чтобы меня не накрыло откатом, тем самым, что случается с волшебниками, переоценившими свои силы. И уже потом решать вопрос со своим желанием злиться и обижаться на всяких там чародеев, избегающих меня по поводу и без.

Цепочку с кристаллом я все еще носила, но даже когда я хотела использовать эту штуку по назначению, что-то мешало мне. То ли упрямство, то ли глупый страх, что мое желание поговорить и поделиться чем-то может быть воспринято как каприз избалованной девицы, для которой и так сделали слишком много всего.

В гостиной горел огонь в камине, и Тересия пыталась обыграть Ренара в карты. Он, кажется, поддавался – ненавязчиво, словно желая быть любезным с доброй леди, но ни в коем случае не смутить ее.

Я прошла в комнату, стараясь не дышать слишком громко. Мне очень не хотелось бы, чтобы они оба заметили, что у меня все еще дрожат ноги. И руки тоже. Мне бы вообще хотелось, чтобы игра в карты шла не в этой комнате, а где-нибудь в другом месте, и у меня не было бы лишнего повода врать, потому что, заметив меня, леди Тересия сердечно улыбнулась.

Я же обещала ей немного своего внимания, правда?

Отвратительно иногда быть доброй и милой.

– Вы уже закончили, милая? – спросила она, рассматривая меня так, словно знала, что происходило в библиотеке, и жаждала подробностей.

Тех самых, которыми Присцилла просила не делиться кое с кем. Кое с кем, кого дель Эйве привыкли не посвящать в свои планы, чтобы этот кое-кто не пугался того, с чем этим планы часто оказывались связаны.

Ренар перехватил мой взгляд и подмигнул мне.

– Да, – сказала я, наблюдая, как одна из карт исчезла у него в рукаве. – У меня разболелась голова, и леди Присцилла отпустила меня отдохнуть.

На лице Тересии отразилось искреннее сочувствие.

– Бедняжка, – сказала она. – Попросить слуг принести вам чай или что-то еще?

– Нет, спасибо, – я осторожно помотала головой. – Я сама. Наверное. Хочу пройтись, – почти пропищала я, пересекая комнату быстрыми мелкими шагами. – Скоро вернусь.

Соврала, конечно.

И вместо того, чтобы вернуться и доставить Тересии удовольствие наблюдать за тем, как я послушно читаю вслух разные истории, пока она вывязывает петли кружевной салфетки, я попросила служанку передать, что головная боль меня совсем одолела.

Врать Тересии было неприятно – почти как врать ребенку, верящему тебе до последнего и ждущему от тебя самого хорошего, но в тот момент мне вдруг расхотелось произносить любые слова. Я не то позорно сбежала, спихнув это вранье на другого человека, не то отступила, решив, что сбегу через тайные коридоры дома и спрячусь в своей комнате, под одеялом. Пока же я сидела одна за большим, рассчитанным на целую семью столом, пила чай, который, по заверениям Моул, старшей горничной, должен был помочь мне от головной боли – пусть и выдуманной, – и пыталась понять, что произошло.

Я не услышала, как открылась дверь, и очнулась только, когда Ренар сел напротив меня, очень серьезный, и сложил руки на столе, подперев ладонью подбородок.

– Леди Присцилла отпустила тебя живой, – сказал он. – Как обычно. Но что-то в этот раз, кажется, пошло не так.

Я сделала еще глоток чая, пытаюсь решить для себя, можно ли рассказывать некоторые подробности Ренару. Ренару, который и так знал куда больше, чем я сама.

– Давай, рассказывай, – под столом он вроде бы случайно задел меня ногой.

– Леди Присцилла, – сказала я, – попросила меня погасить свечу с помощью магии.

– И ты справилась?

В этом было больше утверждения, чем вопроса.

– Я, по словам леди Присциллы, решила задачу нетривиально, – кивнула я.

– И как же? – он чуть приподнял брови, улыбаясь.

– Она просила не разглашать подробности, но, скажем, я подумала, что темнота может сгуститься так сильно, что у огня просто не будет возможности продолжать гореть, – я говорила тихо и быстро, боясь, что в столовую зайдет кто-то из слуг или сама Тересия, которой вздумается еще раз уточнить, как у меня дела. – Ну и... оно получилось. Внезапно. У меня получилось колдовать, но я чувствую себя так, словно вляпалась в очередную неприятность.

Моя рука сначала взметнулась вверх, очертила круг в воздухе, и снова опустилась на скатерть – ладонью вниз, пальцы сложены лодочкой, словно я пытаюсь спрятать что-то живое, шевелящееся рядом с кожей, жука, бабочку – или огонь.

Ренар вздохнул, явно не собираясь впечатляться моими успехами, и протянул руку, чтобы погладить мои пальцы.

– Иди спать, – все так же серьезно сказал он. – Слишком много всего для тебя одной сегодня.

Я задумчиво смотрела на его пальцы поверх моих пальцев и пыталась поймать за хвост ускользающую мысль. Мысль была не очень приятной. Я сдвинула брови, хмурясь, и почувствовала, что выдуманная головная боль начала становиться вполне реальной.

– Я опять сделала что-то не так, – сказала я.

– Ну, сделала и сделала, – Ренар пожал плечами. – Я вон сегодня чуть не попался, когда Тересия заметила исчезновение дамы шпаг. А ты неплохо справилась с тем, чему тебя, замечу, никто раньше не учил.

Я улыбнулась, почти просияла.

– Спасибо.

Я проснулась и села в кровати быстрее, чем Ахо успел поднять голову и посмотреть на меня, чуть щуря светящиеся глаза. Резкое движение, видимо, прогнало сон окончательно, и мы с котом-фэйри уставились друг на друга, не зная, что делать дальше.

– Снятся кошмары, человечье дитя? – раздалось рядом.

Я промолчала в ответ. Мне правда снился неприятный сон – про темноту, которая поселилась в библиотеке, между полок, на них и внутри них, потому что одна девочка имела неосторожность призвать эту тьму снаружи, из-за окна, ведущего в сад – и еще черт знает куда. Это был просто сон, жутковатый и яркий, от него хотелось выпить чаю или поговорить с кем-нибудь, чтобы картинка из головы поблекла и исчезла. Не один из тех снов, о которых я должна была рассказывать, потому что они могли означать опасность.

Ну, я на то надеялась.

– Спи, – сказал Ахо.

Когтистая лапа вытянулась вперед, зацепив ткань покрывала.

Я замотала головой и отбросила в сторону одеяло. Стало холодно до омерзения, но чары, если это были действительно чары, меня не коснулись. На мгновение я подумала, что очень хотела бы взять кота за шкурку и выставить за дверь, в коридор, где, возможно, притаилась черная птица, гоняющая Ахо по всему дому просто от своей птичьей скуки. Но что-то мне подсказывало, что за подобную бесцеремонность я могу ждать любой мелкой пакости – в пределах нашего мирового соглашения.

В камине уже давно остались только тлеющие угли, и я подошла ближе, по дороге нашаривая домашнюю обувь там, где ее оставила (конечно же, не на месте), и натыкаясь на мебель.

– Не спится, – сказала я, не поворачивая головы. – Пойду прогуляюсь.

И я стащила со спинки кресла халат. Он слегка пах вербеновым мылом, которым я пользовалась, и казался мне теплее, чем воздух вокруг.

Ахо, растекшийся темным пятном по кровати, передвинулся – видимо, поднялся на четыре лапы и потянулся, продолжая наблюдать за мной. Я же нашла на комодике простой подсвечник, оставленный здесь на всякий случай, и свою зажигалку.

Скупой оранжевый свет от единственной свечи сделал мир вокруг чуть более ясным. При желании я могла бы додумать силуэт заснувшего в кресле незнакомца или принять собственное платье за чью-то тень.

Тени следовали за каждым движением моей руки, и я подумала, что первым делом, когда разберусь с магией, нужно будет научиться создавать эти, как их... светлячки? пульсары?

Как тут вообще называется эта светящаяся штука из магии, которую можно повесить над своим плечом?

– Уйди, – шикнула я на Ахо, когда тот попытался встать между дверью и мной. Отталкивать его ногой я не рискнула. – А если мне просто до уборной?

Кот презрительно чихнул и заявил, что подождет меня в паре шагов от двери.

Снаружи была темнота и задернутые плотные шторы на окнах.

Я поплотнее запахнула халат на груди и постаралась понять, как удобнее держать подсвечник за металлическую петлю, чтобы воск, капающий со свечи, не попадал на пальцы.

Помнится, у леди Бланки подобные прогулки не заканчивались ничем хорошим для героини.

Дом дель Эйве с его серыми каменными стенами и парой высающихся над садом башенок напоминал маленький, почти игрушечный замок, уменьшенную версию крепости, в которой люди жили, а не прятались от врагов. Здесь были огромные окна и балкончики, световые фонари и застекленная витражами оранжерея на третьем этаже, с самой солнечной, насколько вообще можно было говорить о солнце в Галендоре, стороны. Первый этаж предназначался для посетителей, на втором жили хозяева и, отдельно от них, в предназначенных для этого комнатах, гости, по статусу своему хозяевам равные. Третий этаж предназначался для разного рода вещей. Именно там, на третьем этаже, была оранжерея и, как я выяснила, маленькая, не такая богатая, как в Замке, оружейная. И там же были комнаты для старших слуг и для гостей иного рода, чем я, – менее знатных, менее значимых, менее прихотливых, тех, кому не предназначались обитые тканью стены и мягкие ковры на полу, высокие потолки с лепниной и удобная кровать.

Пожалуй, будь я более романтично настроена, подобная несправедливость меня бы возмутила до глубины души, и я бы, топая ножкой и грозя именем своей небесной покровитель-

ницы, попыталась бы рассказать заносчивой знати, что такое демократия. Но за несколько недель жизни в чужом мире, обитатели которого – за редким исключением – чтит законы гостеприимства, я научилась принимать все эти правила и порядки как должное и даже увидела в них некоторую логику.

Дель Эйве отличались свободомыслием, – думала я, осторожно выходя из галереи, ведущей к моей комнате, – поэтому Присцилла, хоть и смотрит на Ренара с презрением, принимает тот факт, что ее племянник считает этого человека – или не человека, я еще не поняла, – своим другом. Поэтому Парсиваль так легко общается с Шамасом, который принадлежит совсем к другому слою общества и которому, наверное, кто-нибудь из блистательных придворных или из тех серьезных волшебников, которых я видела в Академии, когда была там, не подал бы руки – не говоря о том, чтобы сидеть с ним у камина и болтать за бутылкой виски.

Ахо скользнул из дверей темной тенью, бросился мне под ноги, и я чуть не споткнулась. Огонек свечи замигал, пара капель воска попала на мне на палец, и я зашипела.

– Черт тебя дерит!

И тут же получила мягкий удар лапой по голой лодыжке.

Когтей чертов фэйри не выпустил, но мог бы.

– Не позволяет ли человеческое дитя себе слишком много вольностей? – спросил он, продолжая тереться у моих ног так, что я застыла, понимая, что если опять попытаюсь идти вперед – опять споткнусь. О кота.

Я фыркнула, отколупывая с кожи застывший воск.

– Ну так пожалуйста Кондору, что я шляюсь по его дому по ночам, потому что мне остро чертело... Ай!

В этот раз кошачьи когти ощутимо меня царапнули – так, немного, даже не до крови.

– И чем леди недовольна? – кот отошел на пару шагов вперед, будто бы опасался, что я его все-таки пну.

Я прижала одну руку к животу.

– Леди, скажем, перенервничала, – сказала я спокойным шепотом, потому что здесь, рядом с выходом на парадную лестницу, недалеко от дверей, ведущих в хозяйские покои, мне вдруг стало не по себе – а вдруг кто-то услышит?

Чертова птица, например?

От которой шума куда больше, чем от фэйри-кота, и с которой, при всей ее симпатии ко мне, договориться куда сложнее.

Если Ахо еще как-то признавал за мной право на собственную волю, то Корвин, кажется, считал, что леди Мари Лидделл – это что-то среднее между домашним животным и маленьким ребенком, существо неразумное и незащищенное, поэтому в случае, если она вдруг решала подвергнуть себя реальной или мнимой опасности – например, разговору с подозрительными друзьями семьи – он, Корвин, непременно должен находиться рядом и строго щелкать клювом рядом с чьим-нибудь ухом.

– Только и всего? – кот моргнул.

Я хмуро свела брови:

– Конечно, такая мелочь, – буркнула я и сделала шаг вперед, игнорируя Ахо. – Я все-таки хочу походить туда-сюда по коридорам. Или посижу здесь на ступеньках. Смена обстановки успокаивает, знаешь ли. И да, – мы, наконец, дошли до лестницы, и я, подобрав полы халата и ночной рубашки, действительно села на верхнюю ступеньку, поставив свечу рядом. – Кажется, мне никто этого не запрещал.

– Не запрещал, – Ахо подошел и сел парой ступеней ниже, став, кажется, чуть больше, чем был обычно. Он вытянулся, как статуэтка, и дернул ушами. – Если, конечно, вы не задумали какую-нибудь злую шалость или глупость. За пределы дома я, на вашем месте, не выходил бы.

– Всегда мечтала прогуляться по морозу в ночной рубашке и тапочках, – сказала я и вздрогнула, потому что прогулка по морозу в ночной рубашке со мной однажды случилась. Повторять не хотелось. – Я никуда не сбегу и ничего не украду, – добавила я уже спокойнее. – Просто, правда... Такое чувство, что я – заводная кукла, которую можно доставать из шкафа по вечерам и играть с ней...

– А потом прятать обратно в шкаф?

Кажется, фэйри проявил необычайное для его характера сочувствие.

Он даже ткнулся лобастой головой мне в ногу – несильно, почти ласково.

– Ночные прогулки по дому – это лишь побег из шкафа, человеческое дитя. Но не способ снова стать живой девочкой, – сказал Ахо и, чуть подумав, добавил: – Более того, мне кажется, что вы, леди Лидделл, именно вы, а не чужая воля, создали эту куклу.

– Разрешив таскать себя за руки в разные стороны? – спросила я.

– Нет, – Ахо снова сел, обернув хвостом лапы. – Запретив себе говорить и договариваться.

Я молча уставилась на уходящие в темноту ступени. Лестница вела вниз, красивая и широкая, с ворсистым ковром на ступенях и зимними букетами из сухоцветов на сгибах перил. Где-то сбоку был проход в покои хозяев, и там, в одной из комнат, в которой я никогда не бывала, жила Присцилла.

Если я сейчас возьму и заявлюсь к ней, прихватив по дороге один из канделябров, и попрошу защиты, потому что мне приснился нехороший сон, боюсь, строгая леди дель Эйве возьмет меня за ручку и лично отведет в библиотеку. Разбираться с тем, что я натворила, если я действительно что-то натворила. А потом, пожалуй, заставит остаться там на ночь и написать двадцать страниц реферата на смежную тему. Для общего развития, тренировки концентрации, усидчивости и твердости руки.

Нет, пожалуй.

Я фыркнула, и моргнула, и вытянула ноги вперед.

За моей спиной, за несколькими декоративными колоннами, в стене, украшенной картинами, я знала, была еще одна дверь – скромная, почти потайная, вписанная в узор лепнины так, что если не знаешь, что она там есть, то найдешь, лишь случайно открыв – или если она сама откроется, пропуская кого-то, не слишком подходящего этому миру скромной, сдержанной роскоши.

– Ну что же, леди Лидделл, выбрали, куда мы пойдём?

– Мы? – я приподняла одну бровь.

– Я следую за вами тенью, – напомнил фэйри. – По договору и приказу моего хозяина. Это часть нашего с вами сотрудничества, леди Лидделл, – напомнил он и зевнул, показывая зубы, как делал всякий раз, если я начинала его раздражать. – Взаимовыгодного сотрудничества, полезного и приятного для обеих сторон. Вдруг вы упадете с лестницы или провалитесь в очередное зеркало, леди Лидделл? Мой хозяин очень расстроится, – мне показалось, что фэйри начал язвить. – Сломанных игрушек в его жизни было предостаточно, а вы, думаю, несколько отличаетесь от какой-нибудь нарядной куклы, починить которую просила его сестра.

Я отмахнулась от него, встала и сделала пару шагов в сторону от лестницы, туда, где пряталась дверь.

– Я надеялся, что вы пойдете в библиотеку, – Ахо нырнул через тени и оказался передо мной. Он задрал голову вверх, рассматривая одно темное, чуть блестящее зеркало, затесавшееся среди нескольких портретов и пейзажа с пустошами.

– Только не библиотека, – я содрогнулась, разглядывая то место, где прятался вход на черную лестницу.

– Не бойтесь, я пойду с вами, – в голоске Ахо, раздававшемся, как всегда, откуда-то со стороны кота, морда которого оставалась почти неподвижной, прорезался странный энтузиазм.

Еще лучше!

– Только учти, что мне совсем не нравится твоя компания, – раздраженно сказала я. – Даже когда ты пытаешься мурлыкать или гоняться за лентами, я помню, что ты только притворяешься котом. Эта маленькая ложь несколько снижает степень доверия, знаешь ли.

В ответ мне, кажется, раздалось приглушенное урчание – совсем не кошачье.

Потайная ручка, наконец, нашлась, и я попала на еще одну лестницу – более темную, без окон, деревянную и узкую. Единственным ее украшением были добротные перила с резным узором. Ступени, как ни странно, не скрипели, а в воздухе пахло не затхлостью и пылью, а деревом и еще немного – дымом. Куда уютнее, чем там, в парадной части. Потолок здесь был заметно ниже и без украшений.

– Покажи мне, где живет Ренар, – попросила я у Ахо, не опуская взгляд. Мне очень не хотелось споткнуться и уронить свечу, потому что окна здесь были закрыты, кажется, ставнями, и без свечи я тут ноги переломлю. Кот вдруг лег так, что мне пришлось его перешагивать. – Это что, попытка высказать осуждение?

– Не думаю, что это хорошая идея, леди Лидделл...

– Потому что любая другая леди так бы не поступила?

Я остановилась, глядя на кота. В окружающем мраке его глаза отражали огонь свечи особенно ярко, бликовали, огромные, чуть влажные, чуть светящиеся сами по себе. В остальном Ахо сам напоминал пушистый сгусток тьмы.

– Местные леди поступают и не так, просто не попадают, – очень тихо сказал он и прошел чуть вперед, следя, чтобы я не отставала. – Но, думаю, ваша цель несколько отличается от тех, которые преследовала бы какая-нибудь другая леди, решившая среди ночи навестить мужчину, гостящего в одной с ней доме. Просто время, леди Лидделл, вы выбрали не совсем подходящее, – Ахо принялся и замер у одной из дверей – самой обыкновенной, деревянной, плотной.

И замолчал, горделиво шурясь.

Я запоздало поняла, что Ренар вполне может быть уже не один – это, на мой взгляд, было вполне в его духе, и почувствовала, как краснею.

Спрашивать было уже поздно – меня могли услышать, как поздно было думать, что вместо халата можно было бы надеть одно из простых платьев – то, которое не требовало посторонней помощи, и я собралась было развернуться, чтобы позорно сбежать, как свеча замигала. Она почти оплыла, растаявший воск заполнил всю выемку в металлической чаше подсвечника, и, кажется, даже если я смогу спуститься вниз, я рискую оказаться в полной темноте.

Нужно было выпросить себе фонарь с кристаллом, подумала я, досадливо стиснув зубы.

Ахо с самым ехидным видом прошелся туда-сюда мимо двери и снова уселся на пол, оставившись на меня.

Если ты уйдешь, было написано у него на лице, я буду стегать тебя ближайшую пару недель, да еще и так, чтобы кто-нибудь непременно заинтересовался или догадался. Например, тот, к кому ты решила навеститься среди ночи, дурочка трусливая.

Или тот, чьим хорошим отношением к себе ты, кажется, дорожишь, и кого очень не хочешь подставить, совершив какую-нибудь глупость.

Я нервно сглотнула и, напустив на себя чуть уверенности в себе, постучала, надеясь, что Ахо меня не обманул.

Кому-то стоило быть чуть внимательнее к окружающим, подумала я, переступая с ноги на ногу перед закрытой дверью. Потому что я даже не поинтересовалась, где в этом доме поселились все остальные.

Свеча все таяла, от нее остался крошечный огарок с одной высокой, истончившейся стенкой и лужица воска, из которой торчал фитиль.

Если дверь не откроется, я останусь в кромешной тьме.

Я бросила взгляд на Ахо, который, видимо, поняв, что я сейчас испугаюсь и слиняю, вскинул голову и коротко посмотрел на дверь еще раз.

Он поднялся, потянулся, как самый настоящий кот – притворяться с каждым днем у него получалось все лучше, – и, поднявшись на задние лапы, вцепился в дверь когтями.

– Мяу, – сказал он – отчетливо и громко.

И повторил – видимо, для верности, вдруг с той стороны не услышали.

Дверь открылась раньше, чем я ожидала.

– ...послышалось, откуда тут могут быть кошки? – сказал Ренар кому-то в глубине комнаты и тут уже увидел сначала Ахо, а потом меня.

Точнее, кажется, сначала мои голые ноги, а потом уже все остальное.

Ахо самодовольно облизнулся и нырнул в темноту быстрее, чем кто-то из нас успел возмутиться. Я почему-то не сомневалась, что он вылезет из теней в самый неподходящий момент.

Ренар привалился к дверному косяку, перегородив собой тот кусок комнаты, который я могла бы попытаться рассмотреть, и скрестил руки на груди. Я заметила, что он был одет так, словно готовился куда-то уходить или только что вернулся и еще не успел раздеться и тем более не собирался ложиться спать.

– Доброй ночи, – прохладно сказал он, разглядывая меня без тени улыбки.

Я кивнула в ответ, не зная, что и сказать. Он, в свою очередь, кажется, не знал, что со мной делать.

Свеча мигнула в последний раз и погасла.

Я от неожиданности выронила подсвечник, который с тихим звоном упал на дощатый пол и покатился куда-то в сторону, наверное, оставив вокруг себя капли воска.

И снова наступила тишина.

– Добропорядочным барышням в приличных домах ночью положено спать, золотко, – устало вздохнул Ренар и, сцапав меня за плечо, утащил в комнату и бесшумно закрыл дверь.

– Я отлично выспалась, спасибо, – я вывернулась из его хватки и отступила к стене, пряча руки за спиной.

Потому что на широком подоконнике сидел Кондор, а рядом с ним стояла глиняная бутылка и чашка. Знакомая уже мне сумка, в которой маг обычно таскал всякие важные бумаги для Дара, лежала на полу, прямо на небрежно брошенном на пол же сюртуке. Рядом, на приставленной к стене кровати – куда более узкой, чем моя – висело пальто, около которого спал, сунув голову под крыло, Корвин.

– А ты что тут делаешь? – выпалила я вместо того, чтобы краснеть и смущаться.

Лучше бы тут обнаружилась какая-нибудь девица, вот правда.

– Я? – маг лениво моргнул и махнул рукой в сторону бутылки. – Пытаюсь расслабиться и отдохнуть. А ты, как я понимаю, решила поискать компанию для игр, раз не спится?

– Да, знаешь, надоело заставлять Ахо гоняться за бантиком, – я обхватила себя руками, спрятав ладони под мышками, и нервно переступила с ноги на ногу.

Кондор отвернулся и в угрюмом молчании налил в чашку какую-то темную, вязкую штуку, которая пахла резко и неприятно. Лакрицей. Ненавижу лакрицу.

Корвин проснулся, покосился на меня и снова спрятал клюв под крыло, словно бы решил, что раз я тут, рядом с его хозяином, то за мной можно особенно не следить.

– Я не вовремя, да?

Вместо ответа Ренар положил руки мне на плечи и подтолкнул в сторону от двери, ближе к креслу в углу, потертому и не слишком удобному, – оно стояло рядом со стеной. Внизу, почти у самого пола, я заметила печную заслонку. От стены шло мягкое, уютное тепло.

– Очень не вовремя, – вздохнул Ренар. – Но раз ты все равно тут... не отправлять же тебя обратно без фонаря?

– Если только леди Лидделл не выдрессировала фэйри так, что он смирился и стал протаскивать ее через тени к любой цели, которую леди изволила пожелать, – Кондор недобро усмехнулся и одним глотком выпил все, что было в его чашке. И поморщился: – Ненавижу лакрицу.

– В большом мире все идет своим чередом, – сказал Кондор, чуть не зевнув. – А Дар, кажется, начал путать меня с почтовым голубем.

Он тяжело вздохнул и повертел головой из стороны в сторону, касаясь пальцами каких-то точек на шее.

Мы все втроем сидели на полу, парни – скрестив ноги, я – обхватив колени руками и старательно завернувшись в выданный мне плед. Ни дать, ни взять трое растерянных детишек, сбежавших ночью из собственных спален, чтобы обсудить план похода в волшебную страну, начинающуюся сразу за садовой изгородью. Ренар лениво курил, привалившись спиной к кровати, и время от времени пытался растормошить Корвина, который наблюдал за всеми нами с видом мудрого дядюшки, вынужденного следить, чтобы мы действительно не натворили глупостей.

Кондор рассказывал, устало и ворчливо, о том, где он пропадал в последние дни. Имена людей и названия мест смешались для меня уже через пару минут беседы, и я сидела и слушала, скорее из желания побыть в привычной компании, чем потому что мне правда было интересно.

Обо мне в большом мире если и говорили, то Кондор решил мне это не сообщать.

– Я не мотался столько между Альбой и Арли, кажется, с того времени, как мы с Даром вернулись в страну. Но тогда у его высочества не было в распоряжении еще трех волшебников и целого штата внутренней охраны.

За ворчанием Кондора, впрочем, можно было заметить странное воодушевление, словно вся та суета, из-за которой он сейчас снова походил на свежеподнятое умертвие, ему нравилась. Всем, кроме усталости.

– Твои методы перемещения в пространстве весьма специфичные, – сказала я, тонко и нервно улыбаясь. – И удобные. Ты же тут вроде бы один такой, с особыми отношениями с зеркалами, нет?

Маг посмотрел на меня, задрал подбородок, и оскалился.

– Спасибо, милая, я чуть было об этом не забыл, – сказал он.

Я пожала плечами, мол, всегда пожалуйста, и сделала вид, что несуществующие крошки на пледе, которые очень-очень нужно стряхнуть, интересуют меня куда больше, чем кое-чьи проблемы с вежливостью.

Кондор на меня злился. Уже меньше, чем в тот момент, когда я оказалась на пороге комнаты, но злился. Я понимала почему, но внутри себя считала, что он мог бы проявить больше сочувствия и, да, широты взглядов. Потому что в замке, думала я, все правда было иначе. Мало ли, у кого мы засиживались допоздна.

Мало ли, в чьей кровати спали в ту ночь, когда не стало Хельды.

– Впрочем, то, что ты здесь, даже хорошо, – вдруг сказал Кондор и подал Ренару знак подвинуть брошенную у окна сумку поближе.

Ренар фыркнул, но промолчал, не решаясь лезть со своими замечаниями. Перехватив мой взгляд, он улыбнулся мне и едва заметно подмигнул, мол, не бери в голову, милая, некоторым не помешало бы вспомнить о хороших манерах.

– Габриэль Моррис очень надеется видеть леди Лидделл у себя в гостях, – Кондор с вежливой, но все еще прохладной улыбкой передал мне незапечатанный сургучом конверт с моим именем, выведенным аккуратным, хотя и немного детским почерком.

Я удивленно достала письмо, которое в нем лежало.

– Если быть точнее, он предлагает леди Лидделл навестить некую девушку, которая была спасена не без ее помощи и участия, – продолжил Кондор. То, что он говорил, почти дословно повторяло содержание письма. – И, конечно, интересуется тем, как дела у леди Лидделл, и выражает свою надежду на то, что ее здоровье поправилось.

– Как... мило, – сказала я.

Ренар вытянул шею, пытаясь разглядеть, нет ли в письме чего еще интересного. Корвин сделал то же самое.

– Видимо, с почтовым голубем тебя путает не только Дар, – хмыкнула я. Кондор посмотрел на меня так, что умей он превращать всяких девиц взглядом в жаб, я бы уже сидела у него в кармане. Я вздохнула, очень смиренно и грустно: – У меня не было планов на завтра, как всегда. И если нужно...

– Кроме очередного урока... эм... этикета у Присциллы, – фыркнул Ренар и сощурился, глядя мне прямо в глаза. Он повернул голову, взгляд стал вопрошающим, и я поджала губы, потому что поняла, на что он намекал.

Только вот желание говорить о методах гашения свечей магией куда-то испарилось. Видимо, испугалось кое-чего сарказма.

– Я, если тебя интересует, не приглашен лично... – добавил Кондор. – Только потому что и так захожу проведать бедняжку раз в пару дней. Так что это лишь формальность на тот случай, если ты захочешь ее навестить.

– А если не захочу?

Я задала этот вопрос, глядя прямо в лицо волшебника. Кондор криво улыбнулся.

Мол, так я и знал.

– Как ты можешь быть столь бесчувственной к судьбе девицы, которую сама же и спасла? – наигранно ахнул Ренар.

Я почувствовала неловкость.

– Это был просто вопрос! Я согласна.

Кондор изобразил на лице удивление. Кажется, искреннее.

– Что, так быстро соглашаешься? – он снова криво улыбался. – Я надеялся, что мне придется уговаривать тебя вылезти из норы еще пару минут.

– Хочу удостовериться, что вы, коварные волшебники, не слишком обижаете бедняжку Бриджет, – ответила я, аккуратно складывая письмо назад в конверт и убирая его в карман халата.

Кондор осторожно кивнул:

– Память, увы, все еще не вернулась к ней, – он смотрел на меня, чуть наклонив голову набок. – Гэб не хочет сильно ее волновать, но надеется, что общение с тобой немного поможет. И потом, мне кажется, тебе было бы полезно сменить обстановку.

Лед в его голосе окончательно оттаял.

Я удивилась.

– Мне нужно броситься к тебе на шею с воплями благодарности? – вырвалось у меня, и я тут же пожалела об этом.

Кондор раздраженно поморщился и вздохнул:

– Лучше обойтись без этого.

Ренар хмыкнул и заерзал, пытаясь сесть поудобнее.

– Мари, кстати, хотела нам кое-что рассказать, – сказал он, глядя на меня в упор.

Его рука поднесла трубку к губам, прямо к тонкой, очень хитрой улыбке.

Кондор в ответ зевнул и устало посмотрел на меня, ожидая, что я сейчас скажу или сделаю.

Я почувствовала себя маленькой девочкой, которую уговаривают показать родителям дурацкую поделку с уроков труда. Очень кривую. Абсолютно дурацкую. Совершенно не вовремя.

– Это потерпит до утра, – сказала я и кивнула на Кондора. – Потому что, боюсь, кое-кто уснет на половине рассказа.

Уголки его губ чуть дернулись – тень улыбки была почти теплой.

– Я рад, что ты немного думаешь о других, милая, – тихо сказал волшебник. – Пожалуй, ты права. Я уже не так юн, чтобы спать на полу, а кровать, боюсь, для двоих тесновата. Если ты одолжишь нам свечу или фонарь, я буду благодарен, – сказал он уже Ренару. – И, надеюсь, никто не узнает, что леди Лидделл завела дурную привычку прогуливаться по ночным коридорам.

– Эй! – я аж подскочила с места и скрестила руки на груди.

Плед, конечно, остался на полу.

– Смею тебя заверить, – ответил Ренар, протягивая Кондору небольшой фонарик с кристаллом, – что среди дурных привычек леди Лидделл именно эта отсутствует. Спокойной ночи, милая, – улыбнулся он мне. – Ценю твое доверие.

В коридоре было темно, тихо и по-прежнему пахло деревом. Ахо так и остался где-то в тених, зато на моем плече сидел Корвин, вцепившись когтями так, что не будь у халата плотного воротника, я бы заработала несколько новых царапин.

– Итак, о чем ты не хотела мне говорить, Мари? – спросил Кондор, когда мы оказались рядом с лестницей, ведущей на второй этаж.

Пальто висело у него на сгибе руки, лямка сумки была перекинута через плечо, фонарь он держал так, чтобы мы видели, куда идем, и не споткнулись о мебель или ступеньки.

– С чего ты взял, что я не хотела?

– С того, что приходится к кому-то среди ночи – правда не в твоих привычках. Кошмары?

– Почти, – я сделала первый шаг вниз, проигнорировав протянутую мне руку.

Потому что лучше сам за перила держись, придурок.

Корвин сорвался с моего плеча и исчез где-то во тьме коридора, мазнув крылом по щеке.

– Ты же помнишь правило...

– Рассказывать обо всем, что кажется мне подозрительным. Помню, конечно, – я вздохнула. – Присцилла знает и так. Твоего отца я сегодня не видела, а ты... а тебя я толком не видела последние несколько дней, – я пожалала плечами. – Давай не будем делать из этого еще один драматический эпизод, хорошо? Твоя тетушка устроила мне испытание, я прошла его, погасив свечу магией, и переволновалась, только и всего.

– Вот как, – я не видела лица Кондора, только затылок и ворот сюртука, но мне показалось, что маг сощурился, как делал всегда, если не мог понять, нравится ему что-то или нет. – Поздравляю. А зажечь удалось?

– Нет, – я покачала головой. – Не удалось.

– Получится потом, – он открыл передо мной дверь и пропустил вперед. Я проскользнула настолько близко, что почувствовала запах табачного дыма и лакрицы. И вербены.

Когда дверь закрылась, Кондор протянул мне фонарь.

– Зачем? – не поняла я.

– Дальше сама, милая. Мне в другой коридор, и я обойдусь без кристаллов. Или тебе нужно прогнать чудовище из-под кровати?

Насмешка в его голосе не была злой.

– Нет уж, спасибо, сама справлюсь, – я взяла фонарь за металлическое кольцо. – В крайнем случае,огрею его канделябром.

В этот момент я почему-то заколебалась – мы оба заколебались и так и остались стоять друг напротив друга, на расстоянии полушага, я – с дурацким фонарем и в халате, наброшенном на ночную рубашку, Кондор – с пальто в руках, очень растрепанный и в темноте еще более бледный.

– Спокойной ночи, Кондор, – сказала я и зачем-то сделала книксен.

Он хмыкнул и одним движением руки сотворил в воздухе небольшой светящийся шарик, который тут же завис над его левым плечом.

– И вам спокойной, леди Лидделл.

ГЛАВА 2: Бедная девочка

В доме Габриэля нам никто не обрадовался.

Невысокая, сухая женщина с тронутыми сединой волосами посмотрела на меня так, словно она была воспитательницей в яслях, а я пришла сюда, чтобы втянуть вверенных ей детей в какую-нибудь нехорошую историю. Воровать яблоки, например, или шляться по заброшенным стройкам.

Она появилась словно бы из теней, как фэйри, вынырнула из-за какого-то угла, стоило мне моргнуть, и встала перед светлыми двустворчатыми дверьми, ведущими в комнату, куда нам всем было нужно попасть.

На Кондора эта женщина смотрела с еще большим недоверием. Она нервно дотронулась до жемчужной броши, прикрепленной к высокому, жесткому воротнику фиолетовой блузки, нахмурилась и сухо сказала:

– Доброго дня, Юлиан.

Он улыбнулся ей в ответ и крепче сжал мою руку, словно без этого я бы не высунулась из-за его спины.

– Доброго дня, тетя Хеллен, – поклонился он. – Позвольте представить вам леди Мари Лидделл, она пришла проведать...

– Бриджет, – перебил его Габриэль. – Мы ненадолго, – добавил он виновато.

Тетя Хеллен нахмурилась еще больше:

– У вас четверть часа, – сказала она, скрестив руки на груди, и перевела взгляд с меня на Кондора. Взгляд ничего доброго не предвещал. – Врач был у нее с утра и сказал, что вам, молодой человек, стоило бы бережнее относиться к тому, кого касается ваша магия.

Пришла моя очередь хватать кое-кого за запястье и хмуриться.

– Никакой магии сегодня, тетя Хеллен, – сказал Кондор, не меняясь в лице. Он все так же улыбался, с какой-то деланной беспечностью мальчишки, которого пытаются отчитать за шалости, которые он сам шалостями не считает. – Но я поговорю с ее врачом, – беспечная улыбка искривилась лишь самую малость. – Тем более, как я помню, я сам же его и нанял. Пойдемте, леди Лидделл, посмотрите на вашу, хм, находку и убедитесь, что ей здесь не причиняют никакого вреда.

Он протащил меня за собой, мимо тети Хеллен, которая застыла с широко распахнутыми глазами. Краем уха я услышала, что Габриэль извинился перед ней, а потом двери закрылись за моей спиной, и мы оказались в маленькой и очень уютной комнате.

Прямоугольные окна с мелкими стеклышками, сложенными в геометрический узор, выходили куда-то в хмурую зимнюю Альбу. Сквозь стеклышки угадывались очертания голых деревьев, ограды, улицы с темными силуэтами домов. Холодный свет проникал оттуда, но его было недостаточно, чтобы развеять сумрак в углах. словно бы этого было мало, тетя Хеллен, недовольно топая, стремительно пересекла комнаты и задернула шторы плотнее.

– Ведите себя потише, – строго бросила она через плечо. – У девочки сильно болела голова. Сейчас я приведу ее.

Она снова исчезла – я услышала только шелест юбки и все те же шаги. Наверное, она бы цокала каблучками, если бы ковры на полу не заглушали звуки.

Я посмотрела на Кондора и вопросительно подняла бровь.

– Тетя Хеллен недовольна всеми нами, – пояснил он, отходя от меня на шаг и потирая запястье, в которое я вцепилась минуту назад так, что, не будь на моих руках тонких кружевных перчаток, я бы, наверное, его поцарапала. – И особенно мной. Ты же предупредил ее, правда? – ласково спросил он Габриэля.

Габриэль застыл и выпрямился.

– Конечно, – на выдохе ответил он. – Я сказал, что ты зайдешь.

– Что мы пойдем, – поправил его Кондор, кивая в мою сторону. – Мы с леди Лидделл. Подопечной моего отца. Девушкой, чья доброта очень, очень помогла Бриджет... – начал он, но фыркнул, когда понял, что говорит с сарказмом, подошел ближе к окну и чуть отодвинул штору, всматриваясь в наружность.

Я стояла, чувствуя себя так, словно меня только что отчитали за какую-то идиотскую провинность – так, за компанию. Совсем недавно мы сидели втроем в одной из комнат этого дома и придумывали ту ложь, которой в итоге накормили леди Хеллен Хьюм, и, как бы ни хотелось мне взбрыкнуть и надеть маску отстраненности, мне казалось, что я действительно виновата в том, за что на меня сердятся.

Потому что врать – это плохо, а я за последнее время врала так много, что еще чуть-чуть – и сама запутаюсь в этом вранье.

Габриэль моргнул пару раз – я отчетливо видела проступающее на его лице смущение – и одернул жилет. Сегодня он выглядел куда менее растрепанным, чем в прошлый раз, видимо, готовился куда-то идти. Или просто был, наконец, предупрежден, что в его доме снова появлюсь я с намерением увидеть своими глазами, что с той, другой девушкой из моего мира, случайно попавшей в портал, выстроенный Габриэлем, все правда хорошо. Кроме, видимо, мигрени. Возможно, магического характера.

– Ты прекрасно знаешь, как она относится к тебе и твоим идеям, – сказал Габриэль, поправляя очки. – Простите, леди Лидделл, – он обернулся ко мне. – Это... сложно и не должно касаться людей со стороны.

– О, нет, не за что извиняться! – заверила его я, махнув рукой. – Я уже поняла, что отношения волшебников и тетушек – сложная тема. В конце концов, я здесь с определенной целью, поэтому просто попробую не доставить вам неприятностей в отношениях с... Простите, как мне лучше называть вашу...?

– Леди Хьюм, – ответил Габриэль. – Она... не тетушка в полном смысле этого слова. Просто подруга моей матери и присматривала за мной все это время...

Кондор опять хмыкнул и сказал что-то, не оборачиваясь к нам, и я подумала, что иногда начинаю очень понимать Присциллу.

Моя рука потянулась к кристаллу на цепочке – я заметила это движение в большом зеркале на стене и сделала вид, что собиралась расправить воротник. Платье – серое в тонкую

зеленую линию, скромное и теплое, с белым кружевным воротником и таким же кружевом на манжетах – делало меня на несколько лет младше, и в нем, как и в тех двух платьях Гейл, которые я носила в Гнезде, я чувствовала себя куда уютнее, чем в одном из пяти шелестящих и блестящих нарядов, заказанных у леди Флоры для балов и приемов во Дворце-на-Острове.

Снова раздалися шаги, и я увидела, куда исчезала леди Хьюм – в небольшую, очень удачно спрятанную дверь в самом углу. Эта дверь открылась, показав кусок темноватой комнаты, в которой, кажется, шторы были задернуты еще более плотно. Леди Хьюм вышла первой, осторожно поддерживая за локоть уже знакомую мне девушку.

С той ночи многое поменялось.

Конечно, ее переодели – вместо порванных на колене джинсов и серой толстовки было вполне приличное по местным меркам домашнее платье и теплая шаль. Светлые волосы на затылке перехватывала широкая лента, на лице – бледном, с темными кругами под глазами, словно бедняжка очень плохо спала или сильно болела – не было косметики и ссадин. Бриджет, получившая имя только потому, что господа маги считали неправильным оставить на его месте пустоту, казалась похудевшей, но совершенно точно была жива и почти здорова. Она зажмурилась, не готовая к тому, что здесь, в этой комнате, было светлее, чем там, откуда она пришла, шмыгнула носом и почти сразу тихонько чихнула, сложив руки лодочкой, чтобы прикрыть рот.

Мне вдруг стало очень стыдно за то, что я не приходила раньше.

– Ой, – сказала Бриджет-не-Бриджет. – Здрасьте.

И покосилась в сторону Кондора, который кивнул ей, сохраняя на лице какое-то отстраненно-прохладное выражение. Внимание девушки ему не нравилось.

Ей он, кстати, тоже не нравился. Слишком уж она подобралась, покрепче запахнула шаль на груди, обхватила себя руками, словно старательно пряталась от вредного волшебника, который на протяжении недель так же старательно восстанавливал ей потерянную память.

По моим наблюдениям, восстановление памяти, как и любое ментальное воздействие, с которыми я сталкивалась, было штукой неприятной, почти болезненной – и в процессе, и после него, когда тебя окатывает потерянными воспоминаниями, как водой вперемешку со льдом, и ты пытаешься найти сильную и теплую руку, за которую можно ухватиться и вынырнуть из этого всего.

Я не была уверена, что Кондор привык протягивать руку каждой девице, которую встречал. Я помнила, сколько в его словах тогда было предубеждений по отношению к случайной жертве их эксперимента, и как-то сомневалась, что он будет объяснять ей каждый свой шаг, доставать платки из воздуха, чтобы вытереть слезы, и подслащивать зелья, которые нужно было выпить, чтобы не случилось беды.

Я посмотрела сначала на Кондора, который заложил руки за спину и стоял, чуть задрвав подбородок, ожидая чего-то, потом – на Габриэля. Наши взгляды встретились. Габриэль коротко кивнул, провел рукой по волосам, пытаясь их пригладить.

– Вы вряд ли это помните, Бриджет, – сказал он, кашлянув, будто бы слова застряли у него в горле. – Но именно леди Лидделл помогла вас найти.

Девушка перевела взгляд с Кондора на Габриэля, а потом посмотрела на меня – так рассеянно, будто бы действительно пыталась вспомнить. Лицо ее потеряло настороженность и на секунду стало по-детски печальным. Тонкие, очень светлые брови почти сошлись на переносице.

– Я не помню, – быстро сказала она, мотнув головой.

Взгляд Бриджет был направлен куда-то мимо меня.

Я почему-то вспомнила Хельду и ее взгляд – отрешенный, обращенный по ту сторону реального мира. Стало жутко, и, чтобы стряхнуть с себя эту жуть, я резко подалась вперед, широко улыбаясь и протягивая руку:

– Рада видеть, что вам лучше, – сказала я Бриджет.

Та снова поправила шаль и непонимающе уставилась на мою руку. Кажется, она даже отшатнулась, губы вытянулись в изумленное «о». Изумление, впрочем, быстро сменилось каким-то странным не то ехидством, не то неодобрением. Бриджет осторожно протянула руку и жала мои пальцы – мягко и коротко.

– Простите, – ответила она без тени сожаления – и без намека на улыбку. – Я правда не помню вас.

И ее рука юрко и быстро снова вцепилась в шаль, но потом переместилась поближе к виску – и потерла его. Бриджет поморщилась и коротко зашипела, наклонив голову набок.

– Кошмар, – сказала она, ни к кому не обращаясь. – Пытаюсь вспомнить хоть что-то, но тут же болит...

Леди Хьюм, которая милостиво позволила нам обменяться приветствиями, резко вздернула подбородок и посмотрела на меня холодно и почти зло. Почти так же, как она смотрела на Кондора, только, наверное, еще холоднее. То ли я не понравилась ей с самого начала, то ли ее задела моя нарочитая громкость и улыбка, то ли она видела во мне, лично во мне, источник всех бед своей подопечной – я не знаю. Так или иначе, леди Хеллен осторожно взяла Бриджет под локоть и отвела к глубокому креслу, стоящему рядом с камином, в углу, темном и тихом. Бриджет не сопротивлялась, только смотрела в нашу сторону со странной улыбкой. Сев, она прикрыла глаза и вытянула ноги – я заметила теплые гетры и вытянутые носы домашних туфель, украшенные вышивкой.

Леди Хеллен обернулась ко мне.

– Если вы пришли сюда с надеждой на светскую беседу, милочка, – сказала она так, что колючий сарказм Присциллы начал казаться мне проявлением несказанного дружелюбия, – то вынуждена вас разочаровать. Мне доверили охранять покой и здоровье бедной девочки. Боюсь, вам стоит выбрать более подходящий день для вашего визита.

– Я не... – начала было я.

– Леди Хеллен, – мягко сказал Габриэль, положив руку мне на плечо. – Леди Лидделл хотела лишь убедиться, что с девушкой, в судьбе которой она сыграла не последнюю роль, все в порядке.

Леди Хеллен поджала губы и ничего не ответила. Она скользнула по мне недовольным взглядом, задержавшись на плече – точнее, наверное, на руке, которая все еще на этом плече лежала, и, кажется, решила обрушить свое раздражение на другой объект.

– Вы могли бы помочь, молодой человек, – сухо сказала она Кондору.

Тот продолжал стоять рядом с окном, делая вид, что безразличен ко всему, что происходит рядом.

Он покачал головой, в притворном изумлении приподняв брови:

– Я могу помочь разве что магией, леди Хеллен, но вы попросили не использовать ее, чтобы не навредить Бриджет еще больше.

Леди Хеллен раздраженно выдохнула. Я заметила, как сузились ее глаза и затрепетали крылья носа.

– Но так и быть, – продолжил маг, подходя ближе к нам. Он встал рядом со мной и незаметно для остальных дотронулся до моих пальцев, словно пытался успокоить. Я дернулась от неожиданности. – Если Бриджет не против моей помощи, конечно. Мне кажется, в прошлый раз у нас возникло некоторое... недопонимание.

Я посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

Рука Габриэля почти впилась мне в плечо.

– Потом, – шепнул Кондор, почти беззвучно – я едва угадала, что он сказал, по движению губ. – Поэтому останьтесь, леди Хеллен, прошу вас, – он каким-то образом смог улыбнуться этой женщине.

– Конечно, я останусь, – сказала она, яростно кивнув. Взгляд темных, почти черных глаз впился в меня, как в источник бед. – Надеюсь, остальным хватит чувства такта...

– Хватит, – ответила я, стряхивая с плеча ладонь Габриэля. – Была рада увидеться, Бриджет, надеюсь, вам станет лучше.

Девушка в кресле коротко кивнула и помахала мне рукой, но тут же новый приступ боли заставил ее протянуть эту руку к виску и поморщиться.

Габриэль догнал меня на лестнице, ведущей в его кабинет в башне. Я шла уверенно, обхватив себя руками и нахмурившись так, что встреченные на пути слуги испуганно расступались и не смели даже поинтересоваться, куда я вообще направляюсь и что тут делаю. Или кто я вообще.

– Леди Лидделл...

Я не ответила.

Деревянные ступеньки скрипнули под моими ногами. Лестница уходила вверх, узкая, темная, неудобная настолько, что мне пришлось коснуться стены левой рукой – на всякий случай, чтобы не упасть.

– Мари, постойте!

Габриэль шел за мной, отставая на одну ступеньку – намеренно, чтобы мы оба не слетели с этой чертовой лестницы, если кто-то из нас оступится. Он дышал громко, запыхался, видимо, бедный мальчик.

Губы сами по себе сложились в жесткую усмешку.

Я толкнула дверь, которая вела в ту комнату под крышей башни, и зашла внутрь, на ходу стягивая перчатки, потому что надоели. Перчатки я бросила на чужой письменный стол, перед которым и остановилась, старательно пытаюсь успокоиться.

Габриэль влетел следом за мной и осторожно закрыл дверь. Она даже не стукнула.

– Леди Лидделл... – мягко сказал он за моей спиной. – Я прошу прощения...

– Все в порядке, – ответила я, тщательно подавляя в себе желание развернуться и наорать на него.

Мне казалось неправильным кричать на человека, у которого я оказалась в гостях. И потом, если уж кто и был виноват в том, что я сейчас чувствовала себя провинившейся школьницей, то это точно был не Габриэль. У всех свои недостатки, думала я, и свои сложные родственники, даже в другом мире, даже у взрослых сильных мальчиков.

– Леди Лидделл, если вы сейчас не разожмете кулак, вы рискуете оторвать от юбки оборки, – с какой-то виноватой интонацией произнес Габриэль, и я только в этот момент поняла, что зажала кусок своего же платья в кулаке так крепко, что ткань натянулась и едва не трещала там, где шов соединял полоску кружева и саму юбку.

Пришлось разжать пальцы и обернуться.

Габриэль смотрел на меня сочувствующим, почти щенячьим взглядом и грустно улыбался.

– Я не думал, что...

– Что ваша тетя... или кто она вам там? Друг семьи? Решит спустить всех собак не на Кондора, а на меня? – мой голос едва не дрожал.

Он смутился, и улыбка померкла. Протянутая было ко мне рука опустилась.

– Леди Хеллен не любит Юлиана, – сказал Габриэль. – По своим причинам. И, видимо, решила, что все, к чему он прикасается, угрожает моему благополучию. И вы в том числе.

– В Бриджет, как я успела заметить, она угрозы не увидела, – съязвила я, отчего Габриэль отшатнулся, как будто я попыталась ударить его по лицу. – Простите.

– Что вы, – он тряхнул головой. Тонкие прядки светло-русых волос сместились, отлетев со лба. – Вы в своем праве злиться. И язвить. А я могу лишь просить вас проявить некую снисходительность к почтенной леди, которая, увы, с возрастом утратила чувство такта.

Я моргнула.

Хеллен Хьюм, кажется, оказалась тем, что я ожидала увидеть на месте Присциллы дель Эйве, когда Кондор впервые заговорил о своих тетушках. Но Присцилла дель Эйве всегда хорошо знала, что и зачем делает, и не имела привычки строго поджимать губы там, где могла криво улыбаться и вертеть окружающими по своему усмотрению. Присцилла напоминала мне нож – острый, хорошо заточенный кусок холодного железа, блестящий в лунном свете. Не то инструмент, необходимый для ритуала, не то опасное, коварное оружие, бьющее в цель.

Леди Хьюм ничем не отличалась от моей матери в те моменты, когда кто-то из нас – я, сестры или отец – делал вдруг что-то не то и не так.

Она так же злилась, теряя контроль.

Присцилла, кажется, контроль вообще не теряла.

Я шмыгнула носом и стерла что-то горячее и мокрое со щеки.

Габриэль смотрел на меня широкими от ужаса глазами.

– В глаз попало, – соврала я.

– Это пыль, – поспешил кивнуть Габриэль. – Я редко пользуюсь этой комнатой в последнее время, леди Лидделл, простите мне эту небрежность. Может быть, – он протянул мне руку. Если приглядеться, можно было бы заметить, что его пальцы слегка дрожали. – ...мы переместимся в библиотеку? Там уютнее. И... мне говорили, что вы любите книги.

– Люблю, – сказала я.

– Или я могу показать вам дом...

Кажется, Габриэль не знал, что со мной делать, и если я сейчас разревусь, ему придется звать Кондора на помощь, а, значит, леди Хеллен получит дополнительный повод косо смотреть на всех нас.

– Лучше в библиотеку, – поспешила согласиться я, забирая со стола свои перчатки.

Там, где одна из них соприкоснулась с какой-то книгой, лежащей на поверхности, на кружеве появилось серое пыльное пятно.

– Замечательно, – просиял Габриэль.

Библиотека Замка напоминала подзапущенный склад книжного магазина, торгующего антиквариатом пополам с букинистическим хламом. Это было недалеко от истины: по словам Ренара, каждый, кому не повезло поселиться в зачарованном доме среди лесов Бергрэнзе, рано или поздно добавлял к начатой каким-то древним волшебником коллекции пару десятков книг очень разного толка.

Леди, которая вышла из зеркала до меня, к примеру, притащила туда «Франческу» – и бросила, как некоторые бросают в поездах и отелях дешевые романы.

Кто-то из предшественников Кондора оставил несколько записных книжек, распухших от жалоб на жизнь, Богиню и Сильвию. Кроме жалоб там было еще кое-что интересное – то самое, что помогло девушке, получившей имя Бриджет, прийти в этот мир.

Библиотека в резиденции Дара была строгой и уютной одновременно. Я запомнила ее темной и похожей на фотографию из интерьерного журнала: вылизанное до блеска, идеально

чистое пространство, все на своих местах, перья и чернильницы куда-то спрятаны, пыль безжалостно истреблена.

Я иногда думала, а пользуется ли он ею вообще? Парадные интерьеры, сказал он тогда, предназначены не для того, чтобы в них жить, это – способ рассказать другим о том, кто ты есть, вызвать восторг, или страх, или зависть, или что-то еще – в зависимости от целей.

Мне было сложно представить, что кто-то еще мог сидеть в той библиотеке на ступенях лестницы, как я, и листать одну из книг – да и было ли там что-то, кроме сборников законов?

В Гнезде библиотека казалась мне тем местом, куда каждый обитатель так и норовит сбежать. Она была светлой – и из-за больших окон и огромного светового фонаря, и из-за светло-бежевого дерева, из которого были сделаны шкафы. Сам дом, в котором жили дель Эйве, их слуги и несколько человек, включая меня, связанных с этой семьей странными узами, представлялся мне спящим гигантом. Воздух в нем всегда был прохладным, свет – синеватым, время текло медленно, тягучее, как кисель, полное вязкой тишины. Для горстки людей, птицы и одного кота-фэйри дом был слишком большим, и иногда я думала, что спицы, пяльцы с вышивкой, книги и шали, которые леди Тересия оставляла в облюбованных ею местах, были чем-то вроде хлебных крошек на лесной тропе – чтобы не потеряться.

Библиотека, и еще кухня, притягивали и сохраняли тепло – возможно, потому что ими часто пользовались.

В доме Габриэля все было немного иначе. Лестницы – уже, коридоры – короче, комнаты – чуть меньше и совсем не пустые. В местной библиотеке не было ни светового фонаря, ни второго яруса, на который можно было забраться по винтовой лесенке – только шкафы, несколько кресел с изогнутыми ножками и большое окно-арка, смотрящее в сад, окружающий дом.

Комната была круглой.

Вогнутый, как купол, потолок, украшала карта созвездий.

Рядом с окном, с обеих сторон от него, стояли кадки с какими-то деревьями.

Ни камина, ни письменного стола – только низкий столик между креслами, видимо, предназначенный для чая или кофе.

– Располагайтесь, как вам удобно, леди Лидделл, – сказал Габриэль.

Он держал руки за спиной, как будто бы не знал, куда их деть.

Я рассеянно кивнула, рассматривая ровные ряды книг – корешок к корешку, золотое тиснение, ткань и кожа, подогнанные по цветам. Никаких тебе покосившихся стопок, потрепанных брошюр, мятых свитков, безделушек, оставленных то ли по забывчивости, то ли с тайным умыслом.

Видимо, это тоже парадная комната – просто в этот раз без сборников законов.

Габриэль, кажется, заметил проступившее на моем лице восхищение. Он застенчиво улыбнулся, наклонив лицо так, чтобы скрыть эту улыбку, словно стеснялся ее.

– Я рад, что вам нравится.

– Очень, – призналась я, разглядывая лепнину над шкафами – бегущую вдоль стены широкую полосу барельефа: белые листья, цветы и книги, над которыми были помещены небольшие кристаллы.

Габриэль тоже задрал голову. На его лице вдруг появилось что-то, похожее на смесь гордости и тайной радости.

– Вряд ли это можно сравнить с библиотекой дель Эйве, – сказал он скромно. – Но мои родители предпочитали собирать не книги по магии, а сказки и истории, которые нравились им. Кабинет для работы, – добавил он, приглашающим жестом указывая на кресла, столпившиеся, как компания приземистых существ, ровно в середине. – А здесь отдыхают.

После темных комнат и неприятных взглядов здесь даже дышалось легче.

Сидя в кресле, я еще продолжала рассматривать полки с книгами, изредка бросая взгляд на их хозяина. Габриэль молчал, нервно перебирая пальцами, отряхивая с жилета невидимые

мне пылинки, поправляя очки и манжеты. В свете, льющемся из большого окна, он выглядел бледным и усталым. Серые глаза за стеклами очков смотрели на мир почти печально – в те минуты, когда Габриэль не пытался улыбаться мне, словно делая вид, что все в порядке.

– А ваши родители... – начала я, ухватившись за случайную фразу, просто потому что дальнейшее молчание, как мне казалось, одинаково сильно давило на нас обоих. – Они живут не с вами, я правильно поняла?

Габриэль застыл, сомкнув кончики пальцев перед своим лицом. Вопрос, кажется, был для него чем-то вроде сильного удара, выбившего из легких весь воздух – поэтому Габриэль сделал глубокий вдох прежде, чем мне ответить:

– К сожалению, мои родители уже не живут.

Его голос звучал чисто и очень спокойно, беспечно, сказала бы я, как бывает, когда пытаются скрыть что-то важное. Мне показалось, что сказанное повисло в воздухе, как отзвук случайно задетой струны или колокольчика, висящего над дверью.

Я открыла рот, как выброшенная на мостки рыбина. В животе уже привычно зашевелилось что-то холодное и неприятное, комок ледяной бездны, оживающий от дурных вестей и нехороших предчувствий.

– Я не...

Не хотела вас обидеть, задеть, расстроить, простите, должна была сказать я, но рука Габриэля вытянулась в том жесте, которым просят не продолжать:

– Все в порядке, леди Лидделл, это было очень давно, – поспешил он успокоить меня.

И снова замолчал, глядя куда-то за оконное стекло.

Я жала руки и поежилась, словно не в теплом доме с волшебной системой отопления сидела, а в какой-нибудь полной сквозняков лачуге.

Вот, видимо, откуда взялась леди Хеллен Хьюм, подумала я.

– Габриэль...

Он повернул голову и посмотрел на меня поверх очков – рассеянно и немного строго, словно я выдернула его из мира его мыслей и отвлекла от чего-то очень важного. Или, может быть, он боялся, что я начну приставать с глупыми, бессмысленными уже извинениями, пытаюсь справиться с чувством стыда, которое, буду честной, все-таки жгло меня.

Но мне нужно было совсем другое.

– Почему Бриджет? – спросила я.

Светлые брови дернулись, придав лицу Габриэля выражение сдержанного удивления. Он, кажется, не ожидал вопроса – или в принципе того, что я так быстро заговорю снова.

– Простите, леди Лидделл?

– Я поняла, почему вы дали ей имя, – сказала я, кивнув в сторону двери, за которой был остальной дом, и с энтузиазмом прилежного ученика, которому выдалась возможность выговориться и показать, как хорошо он усвоил материал, продолжила: – Имя не может оставаться пустым, ведь так? Иначе может пристать что-то лишнее, ненужное и даже опасное. Особенно, когда речь идет о таких вот... вещах, пограничных, – я видела, что Габриэль наклонил голову чуть набок и слушал меня внимательно и удивленно. – Имя ограничивает и определяет, и тем самым оно дает защиту. У вас здесь с именами все строго, как я успела заметить.

Он улыбнулся и одобрительно кивнул:

– Я вижу, с библиотекой дель Эйве вы успели подружиться.

– У нас с ней особые отношения, – призналась я. – И все-таки, Габриэль. Выбор имени для наречения – от чего он зависит? Почему мне не дали другого имени здесь?

И упрекнули во вранье, когда я представилась Алисой, да.

– Вы ошибаетесь, – ответил Габриэль, тряхнув головой, потому что слишком длинная прядь лезла ему в глаза и щекотала кожу. – Насколько я знаю об условиях договора между вами и его высочеством, леди Лидделл, вы могли выбрать любое имя, которое бы захотели.

Даже не свое. И, поправьте меня, если я не прав, именно это вы и сделали. Может быть, не в полной мере.

Я неохотно кивнула и прикусила губу, признавая его правоту.

– Смотрите, леди Лидделл, – продолжил Габриэль с тем же воодушевлением, с которым в прошлый раз рассказывал Кондору о деталях своего эксперимента. – Когда человек приходит в этот мир, ему дают имя в присутствии жреца, который свидетельствует о принятии этого имени перед некой... высшей силой, называйте ее так, как считаете нужным. Когда человеку приходится менять имя, рядом все равно присутствует кто-то, кто обладает властью давать и, главное, признавать имена – жрец, волшебник... будущий король в вашем случае, что, пожалуй, вполне равносильно и жрецу, и волшебнику, – Габриэль усмехнулся. Когда он заговорил о магии, даже его жесты изменились и стали более уверенными. – Ваше имя с этого момента принадлежит вам, и вы вольны распоряжаться им на ваше усмотрение. Оно в том числе выражает вашу волю. Определяет вас, как вы правильно сказали, ограничивает и защищает. На очень разных... уровнях, скажем так.

Он наклонился вперед, оперев локоть в бедро и положив подбородок на кулак.

– Я поняла, – сказала я. – Это я как раз поняла.

Он кивнул, чуть прикрыв глаза.

– Что касается Бриджет... мы должны были как-то ее назвать – и назвали. Согласитесь, все время говорить о девушке «она» было бы не слишком вежливо, – Габриэль сказал это серьезно, совсем без иронии, которую можно было бы ожидать. – Как в принципе не слишком вежливо говорить так о ком угодно, обладающем свободой воли. Поэтому мы дали ей имя, временно, надеясь, что она в итоге вспомнит свое...

– Но она не вспомнила?

Габриэль устало покачал головой:

– Увы, все еще нет. Это освобождает нас от части проблем, но, к сожалению, пугает меня, потому что я чувствую... некоторую вину, – признался он и выпрямился, почти брезгливо тряхнув рукой, разминая кисть. – Кондору не впервой давать имена тем, кто потерял свою прошлую жизнь, и он, как я знаю, предпочитает выбирать те, которые несут в себе... скажем, особое значение. Он верит, что они могут стать чем-то вроде талисмана. С нужным ему действием.

Он замолчал и снова посмотрел в сторону окна.

– И? – я вопрошающе наклонила голову.

– Вы, видимо, еще не до конца научились разбираться в нашей религии, леди Лидделл, – снисходительно ответил Габриэль. Мне показалось, что он высматривает что-то в саду и именно поэтому не сразу повернулся ко мне, тихо улыбаясь. – Найдите имя Бригитта в каком-нибудь справочнике по мифологии. Или спросите Кондора сами. Потому что я, увы, сам не до конца понимаю, который из смыслов нужен ему в этом случае.

Я рассеянно моргнула.

– А теперь, если вы не против, давайте обсудим что-нибудь менее... магическое, – предложил Габриэль. – Вы же впервые в Альбе?

Я кивнула, разглаживая невидимую и несуществующую складку на юбке.

Габриэль встал и подошел к одному из шкафов и, приподнявшись на цыпочки, достал с полки большую книгу в зеленом бархатном переплете.

И протянул ее мне, а сам сел в кресло, которое стояло слева, а не напротив меня.

Книга оказалась тяжелой.

– Это карты города, – сказал Габриэль с застенчивой улыбкой. Он снял очки и посмотрел сквозь них на свет, будто бы пытался проверить, не заляпались ли они. – Совершенно не представляю, чем вас занять, поэтому, если хотите, расскажу вам об Альбе все, что может рассказать человек, выросший в ней.

Большие города, сказал Габриэль, вырастали у рек, словно бы реки питали их корни. Реки же иногда давали городам имена. Альба-город родилась на берегу Альбы-реки, и любой, кто жил здесь достаточно долго, свято верил, что и та, и другая – женщины, более того – сестры.

Их обеих изображали беловолосыми и сероглазыми – на картинах, настенной росписи, в узорах витражей и гобеленов. Альба-город и Альба-река застывали в граните, мраморе и бронзе на улицах и в парках, у лестниц, спускающихся к воде, на балконах знати и площадях перед храмами. Их любили как ласковых божеств, не причиняющих зла, хотя та, которая река, не раз выходила из берегов, подтапливая ближайшие кварталы.

– Английская леди считается красавицей, если ей посчастливилось родиться светлоглазой блондинкой, – Габриэль наблюдал, как я лениво листаю страницы книги, рассматривая картинки.

– Значит, я не слишком вписалась в стандарты красоты, – ответила ему я.

Не подумав и, кажется, очень зря, потому что на лице Габриэля, которое на протяжении всего его рассказа о городе, реке и их божествах было восторженно-вдохновенным, проявился испуг. Такой испуг бывает у детей, когда им говорят, что нечто, сделанное ими из совершенно невинных побуждений, – плохо, стыдно и неправильно.

– Но не надейтесь, – сказала я, улыбаясь и надеясь, что улыбка получилась достаточно теплой. – Я не собираюсь переживать по этому поводу.

Испуг сменился надеждой, та – пониманием, что я пошутила, и Габриэль улыбнулся в ответ, по-мальчишески светло. Он сощурился, вглядываясь в мое лицо так пристально и долго, что я смущенно отвела взгляд.

– Вернемся к Альбе, – предложила я. – К городу.

Габриэль нервным жестом одернул рукав белоснежной рубашки, словно тот мешал ему.

Зимой Альба, по версии Габриэля, была отвратительным местом – промозглым, серым и унылым. Снег здесь выпадал нечасто и долго не задерживался: даже если в декабре он валил хлопьями, к середине зимы куда-то исчезал, смешивался с копотью и пылью. Альба становилась серо-бурой, сплошной камень и подтаявший лед, тонкий и грязный, и такой же тонкий и грязный слой облаков, за которыми скрывалось тусклое, холодное зимнее солнце. Зимние праздники, Солнцестояние и следующие за ним Двенадцать ночей, приносили в город волшебство, но стоило отгореть последним свечам на алтарях – и Альба, холодная, как истинная леди, куталась в неприятный сумрак, как в шаль.

Ближе к февралю в городе почти не оставалось людей – тех людей, которые жили вокруг Габриэля, поняла я, всех этих наделенных достаточным количеством власти и богатства господ, которые могли позволить себе удрать в пригородные поместья и фамильные замки, где предавались развлечениям вроде зимних пиров, ленивых визитов друг к другу – или чем они там еще занимались? Альба засыпала – до середины весны, и ничего интересного в ней обычно не проходило. И вторая Альба, река, тоже дремала, иногда – под тонким слоем рыхлого, непрочного льда, который легко разбивали багры и обитые железными полосами весла лодок.

– Но в этот раз, – добавил Габриэль, пока я лениво листала страницы, делая это больше из вежливости, чем из искреннего интереса. – В этот раз, возможно, что-то пойдет не так.

Конечно, подумала я, улыбаясь: если уж я где-то замешана, то все точно пойдет не так.

– Ну, – он смутился. – В город вернулась леди Катарина, и...

Он не успел договорить.

Дверь открылась без стука, только с легким щелчком, и мы оба повернулись, испуганно дернувшись.

Кондор застыл, скрестив на груди руки и привалившись плечом к косяку, с таким выражением на лице, словно его заставили выпить стакан лимонного сока.

– Я рад, что вы нашли общий язык, – сказал он нам не без странного ехидства, словно был обижен, что мы оставили его на растерзание вредной тетушке, а сами подло свалили в уютную библиотеку. – Но, к сожалению, Мари, мне нужно похитить вашего собеседника.

Габриэль вскинулся и осторожно, извинившись передо мной, поднялся и вышел в коридор. Мне показалось, что он двигался, втянув голову в плечи, будто бы ожидал каких-то неприятностей там, в глубине дома. Кондор посторонился, пропуская его, а потом посмотрел на меня.

– Не скучайте, леди Лидделл, – бросил он мне, с усмешкой рассматривая книгу на моих коленях. – Мы скоро вернемся.

И он закрыл дверь снаружи, оставив меня одну.

Кармилль оказалась права.

Не прошло и месяца, как Амелия поняла, что мир вокруг изменился. Это было похоже на нарастающий гул водопада, если идти к нему по тропе: сначала он кажется просто шумом, одним из множества шумов окружающего мира, но чем ближе ты оказываешься, тем громче он нарастает, пока ты не замираешь у обрыва, глядя на стремящуюся вниз воду. В детстве Амелия видела водопад – один раз – и помнила, как летели вокруг брызги и сияло множество радуг.

Она стояла там, пока матушка больно не схватила ее за руку – пыталась докричаться, чтобы Амелия отошла от края обрыва, но не могла. Шум падающей воды поглощал все другие голоса мира.

Так и сейчас.

Слуги начали вести себя иначе, из кладовых доставались ткани и старые платья, детская одежда и столовое серебро. Леди Алексиана стала появляться чаще, чем обычно, и они с леди Катариной исчезали, прятались в стенах кабинета, куда-то уходили, переговаривались, почти ругаясь, и замолкали, стоило кому-то из девочек появиться рядом.

Потом вместе с леди Алексианой снова пришел лорд Дамиан, но в этот раз ни Амелия, ни кто-то из ее сестер не интересовал его. Встретив их с Кармилль в коридоре, застывших у вазы и пытающихся сделать вид, что они здесь случайно и совсем не пытались подслушивать, лорд Дамиан лишь вежливо кивнул им обеим, так же вежливо поинтересовался, как у них дела, и с ласковой улыбкой пообещал в следующий раз принести с собой какие-нибудь милые безделушки:

– Я редко бываю в домах, где есть дети, – признался он. – И не привык таскать в карманах диковинки и сладости. Но, милые дамы, по всей видимости, мне придется исправлять некоторые свои привычки. А теперь прошу меня извинить, – он поклонился им, стройный, легкий и куда менее строгий, чем в прошлый раз. – Ваша матушка очень хочет пообсудить со мной какие-то важные и невероятно скучные вещи.

Подслушать не получилось – Амелия и Кармилль пытались уловить хоть что-то, сидя в междустенье, но все голоса и звуки в кабинете матушки превратились в неясный шум.

Потом, еще через неделю, леди Алексиана привезла с собой трех девушек в светло-серых платьях, а они – ворох журналов и альбомов с образцами ткани, флаконы духов, шкатулки с украшениями и искусственными цветами, ленты, бусины и веера.

Именно здесь, сидя на стуле и перебирая лоскутики разных оттенков шелка, вклеенные в тяжелый альбом, Амелия поняла, что Кармилль действительно была права.

Все сложилось одно к одному и стало предельно ясно.

Шум водопада звучал отчетливо и ярко, и можно было почувствовать запах воды.

В ноябре вдруг стало теплее и вместо долгожданного снега шли дожди, то яростные и страшные, с тяжелыми тучами и пронзительным ветром, пригибающим деревья почти к земле, то тусклые, длинные, похожие на водяную взвесь, повисшую в воздухе. Ноябрь взял свое у леса и парка, оставив деревьям жалкие обрывки их крон. Ночи стали длинными и темными и пахли свечным воском, опавшими листьями и густым травяным дымом, когда эти листья сжигали.

Эривэ преобразался. Исчезли некоторые картины и вазы, в дальних залах мебель спряталась под чехлами, двери закрылись в последний раз, и щелкнули ключи. Часть слуг разъехалась, получив расчет – леди Катарине было невыгодно оставлять их в опустевшем поместье. Часть тоже уехала, но без расчета, куда-то далеко, в новый дом. Амелия заметила, что из библиотеки пропали некоторые книги – их места на полках оказались пустыми и зияли, как дыры в ряду ровных белых зубов.

Кармиль завела себе привычку сбрызгивать щетку для волос лавандовой водой, отчего ее подушки теперь все время пахли лавандой. Днем же Кармиль носила то одни, то другие духи из тех, которые сама себе выбрала – три красивых флакончика из цветного стекла поселились на ее столике перед зеркалом. Она бегала за Амелией по саду, когда они выходили гулять, пританцовывала и щебетала и о духах, и о поясах, и о кружеве, которым планировала украсить подола своих юбок, и о том, что лорду Дамиану следует думать не о сладостях и диковинках, если он хочет быть милым, а о цветах и коробках с перчатками и веерами. «Но, конечно, это было сказано лишь из желания показаться милым, а не от чистого сердца», – добавляла Кармиль и намеренно дулась.

Амелия смотрела на то, как уходит в сон сад, как к небу поднимается дым от костра, зажженного садовниками, как весь мир вокруг укутывается в опавшие листья перед хладом и голодом зимы. Амелии казалось, что Эривэ умирает вместе с осенью, и, когда они уедут – а в том, что они уедут, она уже не сомневалась, – этот дом будет похож на парк и на лес, такой же пустой, спящий в темноте, тихий и печальный.

В начале декабря леди Катарина сказала им, что они уезжают.

– Как вы, должно быть, поняли, – сказала она, когда вся семья, включая Фредерику и ее кормилицу, собралась за ужином, примостившись на самом краю огромного стола, рассчитанного на куда более многочисленную публику. – Мы переезжаем в Альбу через пару недель. Это сюрприз для многих и, к сожалению, мой личный дом все еще не в том состоянии, чтобы мы могли достойно жить в нем, поэтому первое время придется пожить у леди Алексианы. Она любезно согласилась предоставить нам комнаты, – вдовствующая герцогиня поправила на плечах графитово-серую шаль, в которую куталась, потому что из-за высоких потолков в столовой было почти холодно. – Я решила, что, раз вы обе выросли, я должна пожертвовать своим трауром во имя вашего будущего, – на ее губах появилась странная улыбка, торжественная и скорбная одновременно. Взгляд леди Катарины переместился на Фредерику – и улыбка опять изменилась, став ласковой до приторной сладости. – И во имя будущего Фредерики.

Никто не был удивлен: ни принцессы, узнавшие то, о чем они уже догадались, ни их мать, которая то ли не ожидала удивления, то ли приняла его отсутствие за своеобразное проявление радости.

Но уехали они не через пару недель, а на утро после солнцестояния, потому что Фредерика умудрилась заболеть и задержать тем самым всех в полупустом поместье.

Кармиль подарила Амелии пузырек лавандовой воды, Амелия подарила Кармиль ее портрет – в бледно-розовом платье, с венком из весенних цветов на голове. Самая длинная ночь стала последней ночью здесь, и они обе сидели в комнате Кармиль, жгли свечи и говорили, замирая, когда в соседней комнате ворочалась нянька младшей сестры.

Потом был экипаж и короткая дорога к portalу через лес и поля, покрытые слоем первого в Эривэ снега, не тающего, чистого и пушистого. Амелия ежилась и сонно хмурилась, потому что было зябко и очень хотелось спать, Кармиль смотрела в окно с какой-то странной надеждой во взгляде, Фредерика ворочалась и возилась на коленях у няньки, донимая вопросами матушку и всех остальных, а за экипажем на черном, как ночь, тонконогом коне ехал лорд Дамиан, красивый, как принц из сказки, и пугающий, как дух болот.

В этот раз Кондор постучал прежде, чем открыть дверь и войти. Впрочем, мне было настолько все равно, что я даже ничего не сказала в ответ на стук, только коротко посмотрела на Кондора и отдернула руку от корешка книги, которую очень хотела вытащить и посмотреть. За какое-то время, пока я была одна, я успела разобраться, что к чему в этой комнате, и очень надеялась найти себе что-нибудь почитать, если кое-чей разговор затянется на пару часов. К счастью, не пришлось.

– Надеюсь, ты не успела заскучать, – сказал Кондор слишком уж жизнерадостным тоном.

Он улыбался, но как-то нервно, и, кажется, был очень рад сейчас оказаться здесь, а не где-то снаружи.

– Нет, что ты, – ответила я, спрятав руки за спиной. Мой взгляд устремился к потолку. – Я научилась весьма успешно развлекать сама себя.

Кондор то ли не заметил моего ехидства, то ли решил его проигнорировать. Он прошел вперед и встал за одним из кресел, положив руки на его спинку и вцепившись в нее так, что, пожалуй, при желании его можно было бы вынести отсюда только с этим креслом.

– Если ты не против, мы можем идти, – сказал маг спокойно.

Я изобразила на лице удивление:

– Я не против, – сказала я. – Если, конечно, у тебя нет больше никаких очень важных дел. В ином случае, я нашла тут кое-что интересное, и...

– Мне бы очень хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, – вдруг совершенно искренне признался Кондор. – Лучше дома, под кроватью, откуда меня не достанут, – добавил он с недоброй усмешкой. – И не заставят делать то, о чем сами не имеют никакого представления.

Он замолчал, ожидая чего-то. Я лишь пожала плечами.

– Как там Бриджет? – спросила я. – Голова больше не болит? То есть, я не сомневаюсь, что после твоей помощи уже не болит, но на твоём месте я бы посоветовала держать ее в комнате, где есть, чем дышать. Присиди я полдня в таком сумраке, у меня бы не только башка разболелась.

Кондор усмехнулся и провел рукой по волосам. Жуткое напряжение, которое сквозило в его жестах и позе, наконец, немного отступило. Я почувствовала, что меня тоже отпускает, и сделала шаг вперед.

– Это все ты, – сказал Кондор, наблюдая за мной со странной сосредоточенностью.

– Скажи, что я еще и в этом виновата, – фыркнула я и скрестила руки на груди.

– Хорошо, не ты, а ваши общие воспоминания, – кивнул он с извиняющейся полуулыбкой. – Я думаю, что она пытается вспомнить, кто ты такая, у нее, конечно, не получается... а дальше – сама знаешь, что происходит.

– Ага, – сказала я. – Хорошо помню.

– Что-то блокирует ее память, – Кондор оторвался от кресла и отряхнул рукава сюртука. – В том числе поэтому мне все еще не удалось эту память восстановить. И, к сожалению, я даже

не могу с уверенностью сказать, когда именно все пошло не так. Со всех других точек зрения она совершенно здорова. И, к слову, очень умная.

Последнее он сказал с каким-то удивлением, которое, кажется, пытался скрыть.

– А о чем вы тут говорили?

Вопрос застал меня врасплох, потому что я думала, что сейчас меня снова цапнут за руку и уволочут прочь из библиотеки, по коридору и вверх по лестнице, к зеркалу, стоящему в башне. Через него мы уйдем в Галендор, где меня ждало вечернее чтение для Тересии, вид на заснеженный сад и волшебный ворон, который будет следить за всем, что я делаю.

– Ни о чем, – я мотнула головой, но наткнулась на пристальный и полный недоверия взгляд – Так... Габриэль рассказывал мне про Альбу.

– Чудесно, – оскалился Кондор и посмотрел в окно. Я заметила, что стало светлее. Полог туч развеялся и на небе осталась тонкая облачная дымка. – Ты права, леди Хьюм стоит почаще оставлять шторы раскрытыми. Жаль, она не слушает моего совета, – он повернулся ко мне и знакомым уже жестом вытащил из воздуха свое пальто. – Напомни, милая, ты оставляешь одежду в прихожей или в своей комнате?

– В прихожей, – моргнула я, с непроницаемым лицом наблюдая, как он провернул тот же фокус, но в этот раз с тем пальто, которое я надевала, когда нужно было выбраться на прогулку куда-то в город. – А если бы я ошиблась?!

– Пришлось бы пришивать воротник или рукав, – Кондор улыбался так, что едва не сиял. Я подумала, влезая в любезно поданное мне пальто, что давно не видела Кондора таким вот... таким. Открытым и ясным, почти беспечным, будто бы уверенным, что он может если не все в этом мире, то уж точно большую часть из того, что задумал.

Наверное, таким он был, когда мы впервые гуляли по за пределами Замка. Или когда он забирал меня от модистки, чтобы показать мне Арли. Потом, что бы мы ни делали, на лице Кондора всегда было какое-то беспокойство. Сейчас оно снова исчезло – или его искусно спрятали от меня.

Или он просто по-человечески выпался.

– Я думаю, что мы оба немного засиделись в четырех стенах, – сказал Кондор и все-таки сцапал меня за руку. – И что-то мне начинает казаться, что у меня тоже голова разболелась.

В коридоре мы едва не налетели на Габриэля и так и застыли друг напротив друга, на расстоянии вытянутой руки. Габриэль не сразу понял, что с нами не так, и несколько секунд смотрел на нас, вытянув голову вперед, как настороженный зверек. Наконец эта рассеянность сменилась удивлением:

– Откуда вы...

– Хочу показать леди Лидделл город, – сказал Кондор, крепче сжимая мою руку. – То, что успею.

– А, – Габриэль снял очки, словно проблема была в них – и без очков на его носу он не увидит нас, как десять минут назад, без верхней одежды. Габриэль моргнул и вернул очки на место. – Я не помню, чтобы вы были в пальто, когда пришли сюда.

– Все верно, тебе не показалось, – ответил Кондор, делая шаг вперед.

Я же не двинулась с места, все еще держа его за руку.

Было что-то такое сейчас в Габриэле, что заставило меня остановиться.

– В чем дело, Мари? – спросил Кондор спокойно и устало.

Он обернулся, удивленный моим тихим бунтом, но, кажется, не торопился злиться.

– Может быть, господин Моррис хочет пойти с нами, – осторожно предположила я, глядя Кондору в глаза.

Потому что господин Моррис напоминал мне сейчас грустного мальчишку, с которым никто не хочет играть. Стоит ему выйти во двор – и все вдруг разбегаются.

Волшебники переглянулись и, как мне показалось, синхронно помрачнели.

– Увы, леди Лидделл, сегодня никак, – Габриэль развел руками. – У меня... дела.

Кондор с полуулыбкой кивнул и отпустил мою руку. Мрачная тень с его лица исчезла так же быстро, как появилась.

– В следующий раз, леди Лидделл, – сказал Габриэль чуть бодрее. – Я буду рад чести сопровождать вас. И просто буду рад вас видеть – в любое время.

Он протянул мне ладонь, и я, помедлив пару секунд, потому что не была к такому готова, пожала ее.

– Мы вернемся меньше, чем через час, я думаю, – рука Кондора легла мне на плечо. – Не хочу искать другое зеркало.

За границами дома господина Морриса начиналось неизведанное.

Кондор тащил меня вперед так уверенно, словно бы мы не на прогулку вышли, как он утверждал, а торопились на званый обед у какой-нибудь леди Хеллен Хьюм, которая будет недовольно поджимать губы и фыркать на нас, если мы опоздаем больше, чем на десять минут.

Поэтому Альба, красивая Альба, все ее фасады и садовые ограды, мелькала рядом, пока я шла мимо нее.

Солнце окончательно вылезло из-за облаков. Я вдыхала свежий, холодный воздух, пахнущий морозом, листьями и дымом, идущим из труб, и иногда, когда мы проходили рядом с какой-нибудь дамой, прогуливающейся по своим делам, еще и чужими духами.

– О чем задумалась? – вдруг спросил Кондор.

Видимо, наше общее молчание ему надоело. Он сбавил шаг и перестал сжимать мою руку так, словно я вот-вот вырвусь и нырну в какой-нибудь переулок, чтобы потеряться в глубине города и непременно встрять в неприятности.

Я пожала плечами:

– О том, что опять попала в какое-то странное место.

– Надеюсь, ты не думаешь, что весь город выглядит так? – не без ехидства уточнил он.

– Конечно, нет, – я усмехнулась. – Я прекрасно понимаю, что твои знакомые в большинстве своем живут в особенных местах. Обычно там, где на одного человека полагается с десяток комнат, пара лакеев и обед подают на серебряных тарелках.

– Ага, – он кивнул. – А другие живут в еще более особенных местах.

– В смысле?

– Так, – он тряхнул головой, словно отмахиваясь от назойливой мошкары, и разжал пальцы, наконец отпустив меня. – Не обращай внимания. Мы почти пришли.

– Я думала, мы просто гуляем, – сказала я.

– Мы просто гуляем, – отозвался Кондор. – Но я хочу посмотреть один... особенный дом, он недалеко.

Мы свернули за угол, и я была слишком увлечена тем, что смотрела под ноги, поэтому не сразу заметила, что город вокруг изменился. Перед нами, сразу за небольшой площадью с фонтаном, начинался парк, отсеченный от остального города узким каналом и высокой, изящной оградой, за которой виднелись тропинки, статуи, деревья и небольшое озеро с беседкой посередине.

Мы остановились там, где мостовая переходила в узкий берег, резко спускающийся к холодной черной воде, схваченной тонкой пленочкой робкого льда. Я не заметила ни уток, ни голубей, вообще никакой живности. Только прошлогодняя трава, бурая и подгнившая, выглядывала из-под тонкого слоя снега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.